

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

С.А. Есиков
М.М. Есикова

ОБЩИНА И КООПЕРАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ

Рекомендовано Учёным советом ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
в качестве учебного пособия для студентов
неисторических специальностей, изучающих историю и
историю отечественного государства и права

Тамбов
Издательство ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
2013

УДК 93(075.8)
ББК ТЗ(2)613-2я73
Е 831

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
В.В. Кондрашин

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор,
директор НИИ гуманитарных наук при
Правительстве Республики Мордовия
В.А. Юрченков

Есиков, С.А.

Е 831   **Община и кооперация в исторической судьбе России : учебное пособие / С.А. Есиков, М.М. Есикова. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. – 80 с. – 400 экз. – ISBN 978-5-8265-1214-2.**

Рассматриваются проблемы взаимодействия и взаимоотношения государственной власти и кооперации. Показаны процессы эволюции общины в первое советское десятилетие. Раскрыты процессы этатизации кооперации в советское время. Показаны сходства и различия в функциях общины и кооперации. Рассмотрена проблема ликвидации общины в ходе сплошной коллективизации и разложения кооперации. Объясняются причины, по которым большевистская власть использовала кооперацию и крестьянскую общину в своих целях.

Предназначено студентам неисторических специальностей, изучающих историю и историю отечественного государства и права.

УДК 93(075.8)
ББК ТЗ(2)613-2я73

ISBN 978-5-8265-1214-2

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный технический университет» (ФГБОУ ВПО «ТГТУ»), 2013
© С.А. Есиков, М.М. Есикова, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность названной темы исследования определяется важностью изучения проблем взаимоотношений сельской общины и кооперации в свете современных дискуссий о путях возрождения аграрного сектора российской экономики. В конечном счёте – это история взаимоотношений власти и общества, которая и по сей день имеет большой научный и практический интерес. Её рассмотрение способствует как конкретизации известных, так и выявлению новых граней в отношениях государства и общества России в первое десятилетие советской власти.

В современных условиях, когда российская деревня подвергается очередному реформированию, вопрос о наиболее приемлемых для неё формах хозяйствования и самоуправления привлекает в обществе самый широкий интерес. В этой связи обращение к истории общины и кооперации, остававшейся вплоть до начала коллективизации доминирующей формой самоорганизации крестьянства и в значительной степени определявшей его менталитет, представляется весьма актуальным. Воссоздание системы сельского самоуправления, существовавшей много десятилетий назад, бессмысленно, но сегодня важно учитывать всё то ценное, что было выработано практикой общинных отношений.

Россия многообразна. Община и кооперация существовали не везде, но и там, где они были, также не отличались единообразием. В этой связи необходимо выявить сходства и различия общины и кооперации, разобраться в выяснении роли общины и кооперации в подготовке к коллективизации.

В пособии изучаются взаимоотношения общины и кооперации между собой и названных институтов с государственной властью в контексте общего исторического процесса, рассматриваются сходства и различия крестьянской общины и коопера-

ции; выявляется характер взаимоотношений общины, кооперации и государственной власти различного уровня; прослеживается изменение правового положения общины и кооперации и оцениваются его последствия.

Названную проблему нельзя отнести к «белым пятнам» нашего прошлого. В дореволюционный период появились крупные исследования по истории кооперативного движения в России¹. Тогда же произошло формирование кооперативной идеологии. Основывая свой подход к социальной сущности кооперации на идее, что кооперация представляет собой целую социальную и народнохозяйственную систему, идеологи российской кооперации видели перспективы её развития не только в законодательном оформлении её положения и места в системе социально-экономических отношений государства, но и с изменениями во всём политическом строе России. Будучи в большинстве своём сторонниками реформистского социализма, российские кооператоры видели в кооперации средство эволюционного перехода к новому общественному строю, исключаящее насилие и революцию².

Первые работы по истории общины послереволюционного времени вышли в свет в 1920-е гг. В исследованиях П.Н. Першина, Н. Огановского, С.М. Дубровского и др.³ был сформулирован тезис о возрождении общины в ходе аграрной революции, раскрывалась её роль как важнейшего аппарата земельной реформы, рассматривались правовые аспекты функционирования и возможные пути эволюции общинного хозяйства.

На протяжении последующих трёх десятилетий община практически не изучалась. Лишь после выхода в конце 1950-х гг. работ С.П. Трапезникова и В.П. Данилова⁴ интерес исследователей к ней заметно оживился. По мнению С.П. Трапезникова, в России всецело воплотилась в жизнь идея Маркса о способности общины стать основой для организации социалистического земледелия. Переход общинных институтов в высшую фазу своего развития был осуществлён в период коллективизации, когда

община стала опорным пунктом социалистического преобразования сельского хозяйства страны. Принципиально иную точку зрения по данной проблеме высказал В.П. Данилов, считавший, что мирская организация крестьянства не соответствовала задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства, а потому в годы коллективизации имела место не плавная эволюция общинного хозяйства в колхозы, а коренная ломка всех единых форм землепользования.

Большое значение для изучения общины имела работа секции «Общинные организации сельского населения» на четырёх сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На сессиях обсуждались проблемы типологии общинных организаций в послереволюционной деревне, взаимоотношения земельных обществ и советской власти, определялась периодизация развития русской поземельной общины⁵.

Эти дискуссии обозначали качественно новый уровень фактологического и концептуального осмысления данной темы. Историки отказались от узкой трактовки общины лишь как поземельной организации, главным признаком которой было стремление к уравнительности крестьянских наделов. Община начала признаваться универсальным социальным институтом, охватывавшим все стороны жизни крестьянского сообщества, а также органом местного самоуправления, сохранившим принципы демократизма, даже будучи включённым в государственный аппарат.

Существенный вклад в освещение процессов развития общины послереволюционного периода внёс цикл работ В.П. Данилова, вышедших в 1970-е гг. Община трактовалась в них не только как форма совместного пользования землей, но и как общественный институт, осуществлявший посредничество между государством и отдельным землепользователем. Исследователь отмечал, что в результате революции было уничтожено всё реакционное, феодально-крепостническое в положении и функ-

ционировании общины, и она стала «действительно свободным союзом трудящихся крестьян»⁶.

Большой историографический интерес для нашей темы представляют работы В.В. Кабанова⁷, посвящённые жизнедеятельности сельской общины в период до введения нэпа. В них рассматриваются вопросы демократизации общины, влияния мирского уклада деревни на становление местных советов, участия общины в уравнительном перераспределении земли и сборе налогов.

Несмотря на значительные результаты, достигнутые советскими авторами в постановке и решении ряда проблем истории общины послереволюционного времени, широкий круг вопросов остался неизученным. Лишь в самом общем виде рассматривалась структура мирских властей, специфика взаимоотношений земельных обществ и органов советской власти в различных регионах страны, традиции и новации в организации системы социальной защиты на селе.

Относительно кооперации отметим, что лишь в 1960-е гг. возобновился научный интерес к истории экономической политики переходного периода, включая и кооперацию. Толчком к активизации изучения хозяйственного механизма нэпа послужили начавшиеся в стране экономические реформы. В это время возникла известная схема В.П. Данилова⁸. Характеристику советского общества 1920-х гг. как переходного от капитализма к социализму он перенёс на кооперацию. Социальные отношения, объединённые первичными формами кооперации, он оценивал как переходные от индивидуалистических, мелкобуржуазных, к коллективистским, социалистическим. Согласно его схеме, именно потребительская кооперация, достигнув наибольших успехов в сфере товарно-денежного обращения, создавала первые предпосылки для более глубокого кооперирования, готовила почву для развития сельскохозяйственной кооперации. Он также признавал, что после революции изменилась природа общины, отмечая при этом, что в общине много рутинных, кон-

сервативных черт, и не считал, что община превратилась при советском строе в переходную ступень к сплошной коллективизации.

Большинство исследований на этом историографическом этапе имели ярко выраженный историко-партийный характер и, как правило, лишь в позитивном ключе оценивали политику государственно-партийных органов в области кооперации. В это время появились работы, в которых в рамках анализа деятельности центральных и местных партийно-советских органов рассматривались проблемы кооперативного строительства. Значение этих исследований определяется тем, что в них достаточно глубоко проанализирована партийно-государственная политика в области кооперации, прослежены организационное строительство кооперативов и динамика кооперирования населения⁹.

Как видим, в историографии складывалась ситуация, вполне объяснимая для 1960-х – начала 1980-х гг., но неприемлемая для сегодняшнего дня. В целом, вплоть до конца 1980-х гг. господствовала концепция восхваления выдающихся успехов кооперативного движения в СССР, подготовившего страну к осуществлению сплошной коллективизации. Лишь в конце 1980-х гг. историки стали признавать факт разрушения кооперации, её несовместимость со строем «безрыночного социализма».

Во второй половине 1980-х гг. в условиях перестройки заметно активизировалась исследовательская деятельность в области изучения кооперации, началось переосмысление работ крупнейших теоретиков кооперативного движения, прежде всего А.В. Чаянова.

В 1990-е гг. в связи с изменением политического и социально-экономического устройства страны происходило и изменение подходов в изучении кооперативной проблематики. В частности, исследователи ввели в научный оборот материалы по запретным ранее аспектам, что позволило выявить не только позитивные, но и негативные результаты государственного вмешательства в деятельность кооперативных систем в годы нэпа.

Среди учёных формируется точка зрения, что государство изначально вело наступление на кооперацию, а последняя лишь оборонялась. Ликвидация независимости кооперативного движения преследовала, прежде всего, политические цели: «...устранить нежелательных с политической точки зрения руководителей»¹⁰.

В условиях постсоветского пространства в науке произошли значительные изменения в методологических подходах, нашедшие выражение, прежде всего, в отказе от марксистско-ленинской методологии. Это дало возможность попытаться переосмыслить, исходя из научных критериев, а не идеологических штампов, сущность нэпа и историческую роль отдельных видов кооперации в хозяйственном механизме переходного периода¹¹. Объединяющим моментом работ, изданных в 1990-е гг., было стремление избавиться от существовавших догм о бескризисном и самостоятельном развитии кооперации в годы нэпа.

В публикациях объектом острой критики довольно часто стали выступать «мелочная опека» и «беспредельный контроль» партийно-государственных органов над кооперацией¹².

Существенный вклад в изучение нашей проблемы внесли работы известного аграрника В.В. Кабанова¹³, в которых изучены проблемы кооперации и общины в послереволюционное время. Его работы построены по проблемно-хронологическому принципу и на материалах среднерусских губерний. Как справедливо отмечал автор, проблему взаимоотношений между общиной и кооперацией развернуть в «чистом» виде сложно, всегда будут влиять внешние факторы, но зато мы имеем возможность изучить психологические стороны проблемы, сознание кооперированного и некооперированного крестьянства. Он первым поставил вопрос и категорически дал на него ответ: а была ли агония кооперации накануне коллективизации? Может ли агонизировать то, чего нет?

Значительный вклад в разработку теории и практики отечественного кооперативного движения в постсоветский историо-

графический период внес Л.Е. Файн. Он считал, что 1920-е гг. отнюдь не являлись «золотым» десятилетием советской кооперации. В своих трудах исследователь последовательно доказал: нэп не был решительным отказом от военно-коммунистических принципов, а те изменения, которые произошли в начале 1920-х гг. в партийно-государственной политике, носили тактический и конъюнктурный характер, что и подтвердил дальнейший ход событий¹⁴.

Община и кооперация рассматривались многими исследователями и политиками как отправные точки для строительства социализма в стране, привлечения крестьянства к социалистическому строительству. Так, например, «русская община может», – и в этом были едины родоначальники марксизма и русского крестьянского социализма, – «стать непосредственным отправным пунктом экономической (и политической) системы, к которой тяготеет современное общество», община может «зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству». И сама эта возможность, по определению К. Маркса, есть «наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу». Российская общинность, российский менталитет – в них рассматривалась потенция ускоренного, сокращённого процесса развития страны, возможное преимущество России перед вырвавшимися вперёд капиталистическими державами.

Мировой опыт свидетельствует, что кооперативное движение можно рассматривать в качестве условия гуманизации отношений между людьми в процессе хозяйственной деятельности самых разных направлений, и как условие гуманизации общества, благодаря проведению через кооперацию мер социальной защиты, культурно-просветительских мероприятий, других общегосударственных дел. Кооперация – это возможность проявления и мощного стимулирования самодеятельности, в целом – самореализации человека, широких масс населения.

В кооперативной организации экономики (с реализацией в большей или меньшей степени принципа социальной справед-

ливости и одновременно свободы личности на базе реального коммерческого расчета) и организации общественно-политической системы на основе организационно-кооперативных принципов усматривалась и усматривается возможность наиболее эффективного налаживания человеческого общежития.

В современной историографии, при всех её недостатках, связанных с подчинённостью политике, имеются и объективистские направления, деятельность которых направлена на познание и воссоздание действительного конкретно-исторического процесса. Вполне естественно, что для освоения нового фактического материала и создания новых концепций потребуется определённое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. – Пг., 1918; Анцыферов А.Н. Очерки по кооперации. – М., 1912; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. – М., 1918.

² Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М., 1989. – С. 95–96; Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. – Пг., 1918. – С. 127.

³ Огановский Н. Община и земельное товарищество // О земле: сб. статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. – М., 1921. – Вып. 1. – С. 79 – 91; Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба. Их распространение за десятилетие 1907 – 1916 гг. и судьба во время революции (1917 – 1920 гг.). – М., 1922; Дубровский С.М. Очерки русской революции. – М., 1923. – Вып. 1.; Козлов Н.И. Крестьянский двор и земельное общество. – Л., 1926.

⁴ Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. – М., 1959; Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 90 – 128.

⁵ Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1970. –

Вып. I; То же ... XIII сессии. – М., 1971; То же ... XIV сессии. – М., 1972. – Вып. II; То же ... XV сессии. – М., 1974. – Вып. II.

⁶ Данилов В.П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 3. – С. 42 – 54; Он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1974. – С. 341 – 359; Он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. – М., – 1978. – С. 9 – 60.

⁷ Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. – М., 1984. – Т. 111. – С. 100 – 150; Он же. Октябрьская революция и кооперация. 1917 – 1919. – М., 1973; Он же. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988.

⁸ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963. – С. 21. (В дальнейшем В.П. Данилов высказывал эти мысли и в других своих работах. См., например: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М., 1979).

⁹ Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. – М., 1969; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972; Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. – М., 1978; Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. – М., 1982.

¹⁰ Веселов С.В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. – 1991. – № 9–10. – С. 25 – 37.

¹¹ Тараканов В.В. К вопросу о месте крестьянской кооперации в хозяйственной системе нэпа // Кооперация: страницы истории. – М., 1994. – Вып. IV. – С. 204 – 217.

¹² Файн Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) // Вопросы истории. – 1994. – № 9. – С. 35 – 47; Он же. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией // Вопросы истории. – 2001. – № 7; Елютин О.Н. Кооперация в

России – не востребовавшийся опыт // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1998. – № 5.

¹³ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997.

¹⁴ Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново, 1994; Он же. Российская кооперация: историко-теоретический опыт (1861 – 1930). – Иваново, 2002.

ПЛАН, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Одной из самых вредных по своим последствиям теорий XX в. стала доктрина большевиков о возможности победы социалистической революции и построении социализма в России. А один из краеугольных камней этой доктрины идеологи большевизма нарекли «ленинским кооперативным планом». Сам В.И. Ленин не имел отношения к этому «плану». В статье «О кооперации» он говорил о простой истине: надо не разрушать или преобразовывать старую кооперацию, а суметь включить её в новую хозяйственную жизнь.

Если у Ленина и не было никакого кооперативного плана, то определённые взгляды на кооперацию у него имелись. Естественно, на протяжении многих лет они изменялись. Характерно, что в работе «О продналоге» Ленин объединил концессии, аренду и кооперацию понятием «госкапитализм», отвоевывая им место в нэповской экономике и политике. Но эта же «связка» имела и в массовом сознании, по-своему, подчас в противоположном направлении, отражая объективные интересы широких слоев населения¹. Этот «революционный инстинкт» своими корнями уходил в новый социальный статус определённых слоёв населения, в частности деревенской бедноты, подпитывая их настроения и в годы нэпа. Соответственно формировалось отношение к «старой» кооперации и рождались идеи относительно превращения её в «новую», советскую.

И как только начали зримо проявляться нэповские тенденции, связанные с ростом промышленной и торговой буржуазии, кулака, пролетарская струя стала расширяться, наступать, активно заявляя о своих правах.

После этапа раздельного, параллельного существования традиционного кооперативного и народившегося колхозно-совхозного движения началось их интенсивное сближение, но не в силу органической общности их природы, а в силу соци-

ально-политических и идеологических установок Советской власти. Кризис «военно-коммунистической» системы (идей, организационных форм, методов и т.д.) нашёл яркое проявление и в растущем противодействии единоличной деревни насильственной «коммунизации». На VIII съезде Советов Ленин подвёл черту под этим социальным экспериментом словами о том, что «колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном положении, что они оправдывают название богадельни»². «Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков, и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»³.

Однако эти констатации не изменили принципиального отношения органов власти к новым формам хозяйствования; продолжался курс на их расширение и укрепление, но уже на новой почве – за счёт вживления в кооперативную систему. Следовательно, в кооперацию вносился принципиально новый момент, связанный с изменением её природы.

Не бесследно завершился первый эксперимент по огосударствлению кооперации. С переходом к нэпу эта линия не отвергается принципиально. Критика поспешности, увлечений, просчётов и ошибок пройденного этапа экономической политики не перерастает в признание полной независимости, самостоятельности кооперативного движения.

Слова Ленина, сказанные весной 1920 г. на IX съезде партии в связи с искусственными попытками подстегнуть и в короткий срок завершить слияние кооперации с аппаратом Наркомпрода и другими государственными структурами, о том, что, с одной стороны, необходимо продолжить и усилить борьбу «против кулацкого, буржуазного типа кооперации», по-прежнему «бить» её за то, что она не выполняет «задания государственной власти, советской власти пролетариата», с другой – «было бы хорошо» осуществить немедленное огосударствление, «но невозможно в силу того, что мы имеем дело с классом, ме-

нее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации»⁴, определяли грань курса, оставшегося неизменным. НЭп перенес акцент с «бить» на признание невозможности «сейчас» говорить о национализации кооперации.

Акцент сместился, но границы принципиального курса сохранились прежние. Они и не могли быть иными в силу отсутствия соответствующей практики. Следовательно, поддерживался режим не штурмового, а постепенного огосударствления.

Считается, что в статье «О кооперации» взгляды на кооперацию получили стройную завершённость. Кооперацию не нужно было перестраивать, а использовать в том виде, в каком она сложилась исторически. Ленин неоднократно повторял мысль: «Как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас»⁵.

В статье Ленин сформулировал положение о том, что строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма⁶. Это положение иногда рассматривается как свидетельство того, что Ленин изменил свои прежние представления о социализме и методах его построения, стал сторонником кооперативного социализма. Такой вывод не обоснован, поскольку в данном случае Ленин ведёт речь не о кооперации вообще, а о кооперации крестьянства.

Широко известны принципы кооперативной работы, выведенные теоретиками в результате обобщения коллективного опыта в мировой практике, такие как добровольность объединения, последовательность и постепенность перехода от простых форм к сложным, заинтересованность, самостоятельность. Между тем Ленин долгие годы боролся именно с этими «насквозь буржуазными» кооперативными принципами, пытался внедрить так называемые пролетарские принципы кооперирования: не добровольность, а обязательность, поголовность, принудительность; не самостоятельность и самодеятельность, а огосударст-

вление; не материальная заинтересованность, а отмена пая, дивиденда.

В статье «О кооперации» читаем: «Нам нужно заставить всех поголовно участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях», чтобы население «поняло все выгоды участия в кооперации»⁷.

«Кооперативный план», как он был изложен в первом варианте записок «О кооперации», не давал решения коренного вопроса – социалистического преобразования сельского хозяйства в условиях СССР в исторически короткие сроки. Мелкотоварное сельское хозяйство, не способное дать средства для вложений в промышленность, не способное принять от промышленности и использовать в массовом масштабе высокопроизводительную дорогую сельхозтехнику, такое сельское хозяйство не могло быть прочной основой для развития и победы социалистической революции. Россия нэповская не хотела превращаться в Россию социалистическую.

Представляется очевидным, что у Ленина речь идёт не о тождестве кооперации с социализмом, а о тождестве роста кооперации с ростом социализма. Иначе говоря, чем больше сейчас кооперации вместо частника, тем больше сейчас социализма. А под ростом социализма Ленин в 1923 г., как и в 1918 г., понимал преодоление многоукладности. Следовательно, Ленин говорит о тождестве кооперации и социализма не в смысле полного соответствия кооперации социализма, а в смысле совпадения с ним.

Затем Ленин вёл речь уже о кооперативных предприятиях, находившихся на земле, принадлежавшей государству. Он имел в виду производственную кооперацию на земле, т.е. колхозы. В существовавших условиях «предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу».

В этом случае кооперативные предприятия «сплошь да рядом совершенно совпадают с социализмом»⁸. Таких предприятий еще не было, их предстояло создать.

Кроме того, «точка зрения на социализм» – это совсем не то же, что представления о социализме. Изменение «точки зрения» связано не с изменением всех представлений о социализме, о его законах и закономерностях развития. Оно определённо связывается Лениным с особенностями хода социалистической революции, с вступлением её в новую фазу и с диктуемым этим обстоятельством изменением представлений о способах, темпах, методах проведения работ, меняющихся, в свою очередь, план работ, место, время, очередность приложения главных усилий. Эти перемены совсем необязательно должны изменить представление о создаваемом обществе, хотя неизбежно наложат на него определённый отпечаток.

Ленин ведёт речь не о самом социализме, а о процессе строительства социализма. Это станет понятней, если учесть, что для Ленина социализм – не конструкция, которую ещё предстоит создать, а процесс, который совершается уже сегодня. Поэтому Ленин и говорил, что «перейдя к самой сердцевине будничных вопросов», «мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться»⁹. Для Ленина, как и для К. Маркса и Ф. Энгельса, социализм – не состояние, а процесс.

Среди последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию был Н.И. Бухарин. Он пытался проводить эту программу в жизнь, ничего в ней принципиально не меняя. Иногда утверждается, что Н.И. Бухарин разработал свой план кооперативного развития деревни, во многом перекликавшийся со статьей В.И. Ленина «О кооперации» и книгой А.В. Чаянова «Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 217 – 227.

² Ленин В.И. VIII Всероссийский съезд Советов. Речь при обсуждении законопроекта СНК 24 декабря [1920 г.] // Там же. – Т. 42. – С. 180.

³ Там же. С. 181.

⁴ Ленин В.И. IX съезд РКП(б). Речь о кооперации // Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 279.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 45. – С. 372.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 309.

⁸ Там же. Т. 54. – С. 372.

⁹ Там же. С. 374–375.

КОНЦЕПЦИЯ «КООПЕРАТИВНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ» А.В. ЧАЯНОВА

В 1919 г. выдающимся теоретиком крестьянской кооперации А.В. Чаяновым была разработана концепция «кооперативной коллективизации» сельского хозяйства. Процесс кооперации, по Чаянову, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне в своих интересах и в меру реальных возможностей определяли степень и формы использования крупного общественного производства³¹.

Возникшее в начале XX в. организационно-производственное направление в русской экономической мысли базировалось на практической деятельности агрономов и кооператоров. Большую роль в формировании этого направления сыграли работы предшественников-экономистов, в частности А.И. Чупрова, В.А. Косинского и др.

Сторонники нового направления (помимо Чаянова это были А.Н. Челинцев, А.Н. Минин, Г.А. Студенский, Н.П. Макаров и др.) выдвинули «организационно-производственный» план, согласно которому единственное разрешение аграрного вопроса состояло в принятии комплексных экономических мер, направленных на интенсификацию производства крестьянского хозяйства.

Основные мысли о проблемах крестьянского хозяйства и аграрного производства изложены в трудах А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства», «К вопросу теории некапи-

талистических систем хозяйства», «Что такое аграрный вопрос?», «Основные идеи и формы крестьянской кооперации».

Из утверждения о том, что в сельском хозяйстве никакой концентрации пространства, в отличие от промышленности, проводить нельзя, Чаянов извлёк научный вывод об организации крестьянского хозяйства.

Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглотится удорожанием внутривозвращенного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее наступит это поглощение. Несмотря на то, что в земледелии крупная форма производства имела несомненное преимущество перед мелкой, количественное выражение этих преимуществ было далеко не столь значительным, как в обрабатывающей промышленности. Действительно, главной формой концентрации производства в промышленности является так называемая «горизонтальная концентрация», при которой множество мельчайших, разбросанных в пространстве предприятий, экономически и технически сливается в единое сверхкрупное целое с огромной массой рабочей и механической энергии и получает от этого колоссальное удешевление стоимости производства¹. В сельском хозяйстве провести в такой мере горизонтальную концентрацию невозможно, поэтому, как подчеркивал Чаянов, «главнейшей формой проведения концентрации в области крестьянских хозяйств может быть только путь концентрации вертикальной, и притом в её кооперативных формах»².

Следующий момент, привлекающий особое внимание в чаяновской концепции, это подход к крестьянским семейным хозяйствам как к экономической форме, отличной от капиталистического хозяйствования. По Чаянову, термин «семейное трудовое хозяйство» обозначает семью крестьянина или ремесленника, не использующего наёмный труд, а только труд входящих в неё членов даже когда этот признак нечётко выражен³. Это является основой крестьянской стратегии выживания, которая принципиально отличается от соответствующих характеристик

капиталистического предприятия. Семейные хозяйства гибко используют семейный труд, привлекают на помощь соседей без оплаты их труда. Это иногда даёт семейному хозяйству преимущество перед капиталистическими формами производства.

Мотивация хозяйственной деятельности крестьянина принята Чайновым не как мотивация предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивация рабочего на сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжённость своей работе⁴.

Крестьянские хозяйства часто функционируют с постоянной номинально негативной прибылью и, тем не менее, выживают, что невозможно на капиталистических предприятиях. Поэтому понятно, что «одна и та же объективно выражаемая оплата единицы труда при одном и том же уровне будет считаться то выгодной, то невыгодной для крестьянской семьи, прежде всего в зависимости от состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда». Какова же реакция крестьян на уровень достижения или недостижения равновесия между двумя этими измерениями? По мнению Чайнова, если в хозяйстве это равновесие еще не достигнуто, то семья ищет приложение своему труду, мирясь с низким уровнем его оплаты, и наоборот, если основное равновесие вполне покрывается сметными соображениями хозяйства, то только очень высокая оплата труда может побудить крестьянина к новым работам. Таким образом, констатировал А.В. Чайнов, предельная (низшая из допустимых) оплата единицы труда устанавливается в зависимости от общего равновесия хозяйства⁵. Предел, до которого члены крестьянской семьи фактически работают в данных условиях, называется Чайновым степенью «самозэксплуатации» семейного труда.

Исследователь утверждал, что в условиях развивавшегося капитализма крестьянские хозяйства в силу своей трудовой природы проявили исключительную сопротивляемость и живу-

честь. В то же время он не мог не видеть, деревенский капитализм начинал проникать и в само производство, отщепляя от крестьянского хозяйства отдельные отрасли, по преимуществу в области первичной переработки сельскохозяйственного сырья и отрасли, связанные с механическими процессами⁶.

Исходя из этого, Чаянов выдвинул теорию «дифференциальных оптимумов». По этой теории, для сельскохозяйственного предприятия наиболее важным являются не самые крупные и не самые мелкие размеры, а некоторые средние (оптимальные), при которых уравниваются выгоды и недостатки мелкого и крупного земледельческого хозяйства⁷. Для каждой системы хозяйств, для каждой отрасли существует свой уровень оптимальных размеров предприятия. Значение этой теории заключается в том, что в ней «есть основная организационная идея кооперирования сельского хозяйства, и только в кооперации и могущая найти свое осуществление»⁸. При помощи организационного плана сельскохозяйственных предприятий, основанного на принципе «дифференциальных оптимумов», складывается гибкая, постоянно развивающаяся и совершенствующаяся кооперативная система крестьянского производства. Эта эффективно организованная система может развиваться только в условиях рыночных отношений. По мнению учёного, «гибкость» и «прочность» входящих в кооператив хозяйств является могучим рычагом приспособления к жёстким требованиям рынка.

Как видим, в основе кооперативной теории А.В. Чаянова лежит учение об организации крестьянского хозяйства, включающее в себя три взаимосвязанных элемента: сельскохозяйственную кооперацию, дифференциальные оптимумы и вертикальную концентрацию производства. Он рассматривал кооперацию как «коллективную форму организации отдельных звеньев организационного плана крестьянского хозяйства»⁹. Отсюда вытекает понимание сущности сельскохозяйственной кооперации как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства.

В 1919 г. А.В. Чаяновым была разработана концепция «кооперативной коллективизации». Он тщательно изучил причины устойчивого состояния малоимущих трудовых крестьянских хозяйств, каждое из которых было представлено одной семьёй¹⁰.

Чаянов обратил внимание на то, что эти хозяйства интуитивно определяли оптимальный вариант своей вооружённости средствами производства. Они не переступали черту, за которой труд семьи становился непосильным, подрывал силы семьи. Тем самым крестьянской семьёй руководило стремление к выживанию, а не предпринимательский интерес, поэтому крестьяне иногда отвергали явно прогрессивные новшества, если они были им не под силу.

В своем анализе различных типов аграрного производства, основанных на различных типах землепользования, Чаянов в первую очередь стремился выявить характерную для каждой данной формы «природу стимуляции человеческой работы». С учётом этого определяющего фактора он сравнивал три основных типа производства:

- 1) капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, основанное на наёмном труде;
- 2) частично кооперированное семейное производство;
- 3) сельскохозяйственная артель.

Оптимальным типом Чаянов считал второй: «... Сила кооперированного семейного производства заключается именно в том, что оно значительную часть производства, наилучше удающуюся в формах производства мелкого, оставляет в этих последних и в то же время организует в наиболее крупном масштабе все те отрасли хозяйства, где укрупнение производства или оборота дает несомненный и ясно выраженный эффект»¹¹.

Заслуга Чаянова и его сторонников (организационно-производственная школа) состояла в том, что они ставили задачу разработать «организационно-производственный план» развития «семейного товарного хозяйства» для каждого района и

каждого вида сельскохозяйственной деятельности. Такой план должен был тщательно учитывать внутренние возможности крестьянского семейного хозяйства, обеспечить их максимально эффективное использование, наметить систему связей крестьянского хозяйства с окружающим миром через отраслевую кооперацию, т.е. через кооперирование обращения и частично производства.

Первоначально Чаянов был против полного производственного кооперирования крестьянских хозяйств. Однако в период нэпа его отношение к этому процессу стало меняться. Признав пользу производственного кооперирования, Чаянов обратил внимание на его разумное ограничение, сформулировав идею «предельной кооперативной коллективизации». По его мысли, границы последней можно было определить, руководствуясь принципом «дифференциальных оптимумов», т.е. устанавливая предельные уровни концентрации производства в различных отраслях сельского хозяйства вплоть до отказа от производственного кооперирования в некоторых из них, которые более успешно может вести отдельное крестьянское хозяйство. По мысли Чаянова, наиболее разумным было бы сочетание «вертикального» и «горизонтального» кооперирования.

Обвинявшийся в идеализации индивидуального крестьянского хозяйства учёный писал: «По нашему глубокому убеждению идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нами мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на равные ступени крупности и кооперативы»¹².

Конечным итогом такого кооперирования была бы организация всех отраслей, работ и функций крестьянского хозяйства «в той степени крупности и на тех социальных основах, которые к нему подходили». Так, наряду с крестьянским хозяйством возникло и отчасти заменяло его «крупное коллективное предприятие кооперативного типа», благодаря чему оно получало возможность использовать преимущества крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня решались бы и сложные социальные проблемы, поскольку кооперирование должно было охватить и всесторонне укрепить все слои крестьянства.

Однако идеи А.В. Чаянова были решительно отброшены. На конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.) Сталин заявил: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати...»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чаянов А.В. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 188–189.

² Он же. Крестьянское хозяйство. – М., 1989. – С. 439.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 202–203.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М., 1991. – С. 72–73.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Там же. С. 112.

⁹ Там же. С. 114.

¹⁰ Чаянов А.В. Основные идеи организации крестьянской кооперации // Избранные произведения. – М., 1989. – С. 181 – 296; Он же. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 194 – 442.

¹¹ Он же. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. – М., 1919. – С. 20.

¹² Он же. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. – М., 1924. – С. 3–4.

¹³ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 12. – С. 95.

КООПЕРАЦИЯ В ПОСТРОЕНИЯХ Н.И. БУХАРИНА

Советская историография получила возможность свободно изучать проблемы альтернатив 1920-х гг. лишь на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. Перспективы аграрного развития страны оказались в центре внимания исследователей.

Одним из первых в нашей историографии известный историк-аграрник профессор В.П. Данилов взглянул на идейно-политические споры 1920-х гг. не глазами их участника, а глазами историка¹.

Под «бухаринской альтернативой», которая проявилась как особое идейно-политическое направление в 1928–1929 гг., как правило, понимают несталинский вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики. За бухаринской и сталинской позициями стояли не только варианты решений народнохозяйственных задач, резко обострившихся к концу 1920-х гг., но неизмеримо большее – принципиальные различия в понимании нового общества, его сущности, путей его созидания².

Как известно, по всем проблемам социалистического строительства в руководстве страны шли острые дискуссии. В ходе этих дискуссий главным стало не то, что объединяет, а то, что разъединяет, т.е. различия в подходе к коренным проблемам социалистического строительства. В этой полемике не всегда соблюдали объективность, последовательность в отстаивании своей точки зрения, нормы партийной морали и нравственности. Это относится ко всем участникам внутрипартийной борьбы без исключения.

Кроме того, следует учитывать увлечённость и страстность Н.И. Бухарина, с которыми он отстаивал свои идеи. Во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. он был идеологически острым и

непримиримым, также как и его оппоненты. И в этой борьбе, острота которой всё более не соответствовала её реальной основе, Бухарин позволял себе, по справедливому замечанию Троцкого, «поворачивать своего теоретического коня то передом, то задом».

Для анализа «бухаринской альтернативы» необходимо рассмотреть некоторые общие взгляды Бухарина, сложившиеся до конца 1920-х гг. и оказавшие несомненное влияние на все его позднейшие построения. Вплоть до окончания Гражданской войны он выступал как представитель крайне левого крыла большевистской партии. Его книга «Экономика переходного периода» может быть расценена как апология военного коммунизма. Не было его и среди сторонников Ленина на X съезде РКП(б). Однако затем начался пересмотр военно-коммунистических представлений о путях строительства социализма.

Разработку и оценку путей к социализму Н.И. Бухарин всегда соотносил с теми представлениями о социализме, которые у него сложились еще в дооктябрьский период. Не изменились его взгляды на место и роль товарного производства, перспективы его отмирания по мере приближения к социализму, выводы о госкапитализме.

К осмыслению сути нэпа и его места на пути к социализму Бухарин шёл постепенно. В 1921 – 1923 гг. им был опубликован ряд статей, в которых он выяснял причины, смысл и проблемы нэпа. Так, в работе «Новый курс экономической политики» проблемы нэпа рассматривались «в общей перспективе развития нашего народного хозяйства к коммунизму»³. В работах этого периода обнаруживаются попытки увязать новые явления нэпа со своими прежними экономическими и методологическими взглядами. Бухарин не отказывался от своей позиции по проблемам госкапитализма, использовал теорию общественного равновесия для доказательства необходимости товарообмена с крестьянством.

К признанию нэпа как особой и довольно длительной фазы переходного периода Бухарин пришёл не сразу. Первоначально он постоянно заглядывал в то, что будет после восстановления народного хозяйства, т.е. в период, когда нэп будет преодолен. Это и можно объяснить: сама концепция нэпа постоянно менялась. Первоначально сущность нэпа сводилась в основном к переходу на продналог; к середине 1920-х гг. – она предполагала развернутую систему производственных отношений в городе и деревне. После же решений XV съезда ВКП(б) (1927) нэп как путь к социализму включал уже концепцию постепенного социалистического преобразования сельского хозяйства и специфические формы и методы индустриализации страны⁴.

К 1927 – 1929 гг. Бухарин стал отделять теорию нэпа как учение о переходе к социализму от конкретной политики в условиях нэпа. Он обратился к идее продолжения нэпа, вместе с тем не изменив свою прежнюю позицию: дальнейшее развитие нэпа и в 1921 г. и в 1929 г. он рассматривал как его собственное преодоление лишь на базе роста обобществленной экономики.

Обобщественное в масштабах страны сельскохозяйственное производство должно было сложиться, по мысли Бухарина, как результат длительного преобразовательного процесса, решающая роль в котором принадлежала крестьянской кооперации. «...Если крестьянин хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, – писал Бухарин, – оно должно идти по пути к своему объединению». Но нельзя думать, что «можно уговорить или даже будто следует уговаривать крестьянство сразу» перейти к объединению своих наделов. Переломить старые привычки очень трудно. И, тем не менее, исходя из интересов своего хозяйства, крестьяне будут стремиться к объединению. Но это будет происходить через кооперацию, утверждал Бухарин, участие в которой «не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется»⁵.

В марте 1925 г. на Всесоюзном совещании колхозов Бухарин специально коснулся вопроса о соотношении процессов кооперации и коллективизации: «Мы не можем начать социалистическое строительство в деревне с массовой организации коллективных производственных предприятий. Мы начнем с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии... Коллективные хозяйства – это не главная магистраль, это один из добавочных, но очень существенных и важных путей. Когда дело кооперирования крестьянства получит мощную поддержку со стороны всё развивающейся техники, электрификации, когда мы будем иметь больше тракторов, тогда неизмеримо усилится и темп перехода к коллективному земледелию»⁶.

О перспективах развития кооперации Бухарин мыслил широкомасштабно. Рост кооперации, писал он, в которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков, означает непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Весь государственный сектор экономики и слившийся с ним кооперативный сектор, по мысли Бухарина, должны были составить единое целое, которое и станет социализмом.

Бухарин Н.И. выделял два момента. Во-первых, в условиях нэпа кооперирование через рынок включает всё более широкие слои крестьянских хозяйств в систему экономических связей с обобществлённым сектором народного хозяйства и этим обеспечивает их «врастание» в социализм. Во-вторых, в процессе развития кооперации происходит переход крестьян «от организации торговли... к организации совместного производства»⁷.

При этом отметим, что Бухарин признавал ошибочными свои первые взгляды относительно быстрого уничтожения рынка и введения планового хозяйства⁸. Это вовсе не означало, что он был сторонником «рыночного социализма». Подобное положение никем из марксистов в то время даже не рассматривалось. Все, включая Бухарина, считали, что социалистическое производство – это планомерно организованное, безденежное хозяйство.

На всех этапах преобразования должны были использоваться, развиваться и взаимодействовать самые разные формы кооперации – производственные, торговые, кредитные. Однако весьма спорной, по справедливому утверждению В.П. Данилова, была бухаринская конструкция «кооперативной лестницы», связывавшая формы кооперации с социальными слоями деревни: колхозы с беднотой, сбыто-снабженческие кооперативы со средним крестьянством, кредитные – с кулачеством. Отсюда вытекало и предположение о возможности образования «кулацких кооперативных гнезд», которые будут втягиваться в экономическую систему социализма и перерабатываться ею. Это, конечно, были сугубо теоретические представления⁹. При удельном весе кулацких хозяйств в 3 – 4,3% и кооперировании деревни на 20 – 30% образование «кулацких гнезд» в кооперации как массового явления было нереальным.

Процесс кооперирования во второй половине 1920-х гг. шёл с большими трудностями, а в конце 1920-х гг. начал сворачиваться. В предложениях Бухарина относительно путей развития сельского хозяйства в стране политические соображения нередко превалировали над экономической необходимостью, поэтому он недостаточно учитывал в своих предложениях специфические проблемы организации крестьянских хозяйств, общинные традиции, слабое развитие рыночных отношений и т.д.

По поводу бухаринского «вращения» кулака в социализм. Опираясь на тезис Маркса о том, что российское крестьянство имеет социалистический потенциал, Бухарин сделал вывод, что всё крестьянство может мирно вращаться в социализм. Надо подчеркнуть, что Сталин по-своему интерпретировал эту формулу Бухарина, который говорил не о вращении кулака и уж тем более не о вращении капитализма в социализм¹⁰, а о том, что как кулацкие «кооперативные гнезда» будут постепенно вращаться в социалистическую систему. Бухарин подчеркивал, что они будут в известной мере чужеродным телом. «Переработка» этих

кооперативов заранее predetermined строим пролетарского государства.

И теоретически, и практически было совершенно ясно, что неэкспроприруемые кулацкие хозяйства вовлекаются в процесс социалистического преобразования на основах добровольности и заинтересованности. Очевидным было и то, что задача становится разрешимой лишь в общем потоке кооперирования деревни в целом.

Бухарин, как и все коммунисты той поры, был далек от признания классовой гармонии. Он признавал, что классовая борьба в деревне отомрет очень не скоро, и дальнейшее расслоение крестьянства было неизбежным. Классовая борьба, по мнению Бухарина, будет иметь место и между различными кооперативными организациями и внутри кооперативов. Так, столкновения, по его мнению, неминуемы при выборе правлений, при решении вопросов о величине паевых взносов, при утверждении уставов кооперативов. По всем параметрам могли развертываться сражения между различными слоями крестьянства, но, добавлял он, мирного характера¹¹.

Отметим, что В.П. Данилов обращал внимание на нравственное и политическое значение, которое имела бухаринская концепция «мирного» решения классовых проблем переходного периода, действительную альтернативность которой можно оценить лишь на фоне широко распространённых в партии настроений «прямого революционного действия»¹².

Бухарин чётко разграничивал отношение государства к кооперативам трудовым и кооперативам кулацкого типа, считая, что первым из них должна оказываться всемерная поддержка, в чём он видел проявление классовой борьбы, классовой помощи пролетариата наиболее близким к нему слоям. Что же касается кулацких кооперативов, то, по мнению Бухарина, их будущая деятельность должна всецело зависеть от кредитных и других учреждений пролетарского государства. Это позволило бы регламентировать их экономическими средствами¹³.

К несомненным заслугам Н.И. Бухарина как экономиста следует отнести то, что он в октябре-ноябре 1927 г. обозначил две проблемы, которые в тот период ещё не приобрели угрожающий характер: во-первых, проблема капиталовложений в тяжёлую промышленность и, во-вторых, проблема хлебозаготовок в условиях товарного голода¹⁴. Однако глубокого анализа этих двух главнейших проблем, вокруг которых будет развёртываться вся последующая история страны, тогда дано не было. Основная энергия была направлена на борьбу с «левыми». Для чего-то потребовалось доказывать, что идея наступления не заимствована у «левых» и в принципе отлична от такой же идеи у них.

Рассматривая бухаринские выступления накануне XV съезда ВКП(б) и решения самого съезда, мы не найдем принципиальных изменений ни в трактовке пути к социализму, ни в направлении и характере политики. Речь шла о продолжении и развитии осуществлявшейся политики, в том числе и о кооперировании деревни, и в регулировании социально-классовых процессов. Объективно оценивая положение в деревне, Бухарин делал вывод, что в середине 1920-х гг. «кулак абсолютно вырос», но одновременно выросли и возможности «ограничения эксплуататорских тенденций со стороны кулака»¹⁵. В результате этих возможностей и должно состоять наступление на кулачество.

В 1928–1929 гг. в аграрной политике государства наступил крутой поворот: от курса на постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства к проведению массовой коллективизации. Необходимо признать, что к концу 1920-х гг. сельское хозяйство страны находилось на грани кризиса, постоянные так называемые местные голодовки, охватывавшие разные регионы страны практически ежегодно были тому свидетельством. Середняк, процветая, обеспечивал, по сути, только себя, его хозяйство не способно было обеспечить новые технологии и орудия.

К середине 1920-х гг. произошло восстановление посевных площадей, общего объёма сельскохозяйственного производства, рынка на продукты сельского хозяйства; шёл рост урожайности и повышения доходности деревни. В 1926–1927 гг. валовой сбор зерна достиг рекордной цифры в 4747,4 млн. пудов. Однако уровень восстановления сельского хозяйства, достигнутый к 1927 г., отражал возможности крестьянских хозяйств натурально-потребительского типа. Исчезли помещичьи и крупно-крестьянские единицы, уменьшились средний размер и мощность крестьянского двора. Рост личного потребления сопровождался понижением интенсивности и товарности, уровень которой упал вдвое, резким сокращением количества товарного хлеба (с 213,2 до 103,3 ц).

В 1920-е гг. усилились процессы архаизации и натурализации крестьянских хозяйств. Осереднячивание, считавшееся главным положительным социально-экономическим результатом нэпа, означало нивелировку, поравнение по нижнему уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня.

О низком уровне товарности крестьянской экономики свидетельствуют следующие цифры: если валовой сбор 1927–1928 гг. снизился на 2,8 – 3%, то товарная часть сократилась на 10 – 12%. Даже небольшое сокращение вала в 4 раза уменьшало уровень товарности. В 1925 – 1929 гг. в среднем в год собирали по 4319,8 млн. пудов, в то время как в 1909 – 1913 гг. – по 4737,8 млн., а повышенный прирост населения привёл к сокращению урожая зерновых на душу населения по сравнению с довоенным временем на 9 – 16%¹⁶. С 1927 г. фактически утвердилась социально-политическая линия, нацеленная на распределение, а не на производство.

Взрыв в деревне был неизбежен, вопрос стоял лишь в форме. Руководство СССР выбрало колхоз. Кроме того, оценка внешней угрозы вынудила его (руководство) осуществлять ускоренную коллективизацию. Процесс же социалистического

преобразования, по мнению Бухарина, мог занять относительно длительное время. Это соответствовало его представлениям о медленных темпах строительства социализма в условиях капиталистического окружения¹⁷. Еще в выступлении на XIV съезде ВКП(б) он говорил: «Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем ... мы можем строить социализм даже на той нищенской технической базе ... этот рост будет во много раз медленнее ... мы будем плестись черепашью шагом, но ... все-таки социализм строим и ... мы его построим»¹⁸. Задачу построения социализма приходилось решать в довольно жёстких международных условиях, поэтому вопрос о темпах преобразований приобретал характер жизненно важного условия её успешного решения. Механическое перенесение Бухариным оценок Маркса на советскую действительность конца 1920-х гг. привели его к выводу о допустимости черепаших темпов развития страны. Мысли о возможности медленных темпов социалистического строительства, очевидно, имели в своей основе выводы Бухарина, высказанные в работе «Экономика переходного периода» (1920), о начале краха мирового капитализма с наиболее слабых народнохозяйственных систем с наименее развитой государственно-капиталистической организацией, имея в виду, прежде всего Россию. За это он был подвергнут критике со стороны Ленина. Необходимо также подчеркнуть, что В.П. Данилов, следуя за Бухариным, писал, что советская деревня, может быть только в 1960 – 1980-х гг., опираясь на реально созданные возможности комплексной механизации и электрификации, подходила бы к практическому созданию системы коллективного земледелия. При таком понимании процесса кооперирования вопрос о времени его завершения не возникал¹⁹. Согласимся, что это заключение стояло довольно далеко от реальной жизни.

В конце 1920-х гг. Бухарин внёс коррективы в свою кооперативную концепцию, усилив внимание к колхозным объединениям, призывая шире развернуть борьбу с кулацкими элементами

ми. В статье «Заметки экономиста» (30 сентября 1928 г.) он отмечал, что партия опоздала с постановкой целого ряда вопросов, в том числе с проблемой колхозов и совхозов: «...Мы и сами недостаточно осознали еще всю новизну условий реконструктивного периода. Именно поэтому мы так «запаздывали»: проблему своих спецов поставили лишь после шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т.д., словом, действовали в значительной мере согласно истинной русской поговорке: «гром не грянет, мужик не перекрестится»²⁰. В то же время он продолжал отстаивать свою точку зрения на постепенное преобразование сельского хозяйства, считая, что в ближайшее пятилетие основную часть сельскохозяйственной продукции будет давать единоличный крестьянин-середняк. Излагая свои взгляды на решение зерновой проблемы в той же статье, Бухарин указывал на необходимость подъёма индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, ограничение кулацкого хозяйства, строительства совхозов и колхозов при правильной политике цен, при кооперировании крестьянских масс²¹. В этой рекомендации – путаница: как можно сочетать подъём индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, с ограничением кулачества?

В выступлении на апрельском (1929) Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором сталинское большинство травило и громило Бухарина, последний заявил, что не отрицает необходимости ни коллективизации, ни новых форм хозяйственной связи между городом и деревней, но и рассматривает их в перспективе на долгие годы²². Сталин же в своей речи заявил: «Нет, товарищи, не нужно нам такого социализма. Пусть возьмет его себе Бухарин»²³.

Бухарин и его сторонники были обвинены в либеральном толковании нэпа, что квалифицировалось тогда как линия на свёртывание социалистического наступления и ослабление по-

зиций пролетариата в борьбе против капиталистических форм хозяйства, расширение возможностей для кулацких хозяйств.

В бухаринских построениях нельзя не увидеть известных противоречий. Данилов В.П. справедливо отмечал, что он исследовал пути перехода крестьянства к социализму, прежде всего, как теоретик, поэтому многие вопросы практического осуществления предлагавшихся мер оказывались неразработанными. Так, Бухарин абстрагировался от вопросов развития производительных сил, создания материально-технической базы социализма в сельском хозяйстве. В этом было уязвимое место его концепции. Продолжая придерживаться в целом курса на эволюционное преобразование сельского хозяйства, он не учитывал в должной мере назревавшую с конца 1920-х гг. необходимость скачка в социалистическом переустройстве сельского хозяйства.

На проявленную Бухариным непоследовательность указывал и американский историк С. Коэн. С одной стороны, писал он, Бухарин выступал за ограничение кулацкого производства, считая недопустимым развитие крупного капиталистического сектора в сельском хозяйстве, с другой – он был против форсирования коллективизации и в итоге оказывался поборником середняцкого хозяйства, которое было не в состоянии решить продовольственную проблему²⁴.

Нельзя согласиться с утверждением В.П. Данилова о том, что процесс кооперирования крестьянских хозяйств, как он характеризовался в произведениях Бухарина, вобрал в себя основные положения концепции «кооперативной коллективизации», разработанной А.В. Чаяновым²⁵. Чаянов считал естественным, нормальным условием жизни и деятельности кооперации наличие рынка, тогда как Бухарин рынок рассматривал в качестве временного явления, допускавшегося только на протяжении переходного от капитализма к социализму периода. Бухарин мыслил социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Чаянов же подлинные успехи кооперирования деревни напрямую связывал с демократи-

ческими порядками, которые должны придти на смену диктаторскому режиму большевиков²⁶.

Могла ли быть осуществлена «бухаринская альтернатива»? По всей видимости, нет: из-за серьёзных изъянов в самих построениях Бухарина, да и в связи со сложившейся обстановкой в стране и партии, эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех. Полностью согласимся с утверждением В.П. Данилова о том, что принципиально важным моментом для понимания судьбы альтернатив сталинской политике являлась практическая невозможность обсуждения любых проблем, усиливавшаяся по мере концентрации власти в руках Генсека. В условиях полного отсутствия внутривнутрипартийной демократии высшее руководство партии, а точнее господствовавшая в нем группа Сталина, легко и успешно могло вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внёс Бухарин, поэтому нельзя согласиться с мнением В.П. Данилова о том, что вплоть до конца 1927 г. сохранилась возможность обсуждения политики в руководстве партии и государства. В середине 1920-х гг. такой возможности уже не было.

Кроме того, партия большевиков, заметно выросшая численно в этот период, более чем наполовину неграмотная, люмпенизированная, хорошо усвоила только одно своё право – слепо исполнять то, что спускалось сверху, и крепить железное единство своих рядов.

Относительно кооперации, занимавшей ведущее место в построениях Н.И. Бухарина. Полностью подчинив себе кооперацию путём её централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили её в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счёт финансовой поддержки со стороны государства. Что же касается быстрорастущего числа членов кооперативов, то это происходило за счёт искусственного создания положения, когда крестьянин вступал

в кооперативы вынужденно, так как нужный товар, преимущественно городской, можно было приобрести только в кооперативах и только через них сбыть свои продукты; за счёт искусственного кооперирования бедноты. К концу 1920-х гг. кооперация оказалась неспособной не только к выполнению преобразующих функций, но и своих собственных обязанностей. Она разрушалась²⁷.

Поражение Бухарина и его группы было predetermined не только контролем Сталина над мощным государственно-партийным аппаратом, но и большой заманчивостью его установок «форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой части средних крестьян, для формировавшейся в годы нэпа новой советской интеллигенции, которой старые «спецы» представлялись помехой в их карьере.

Сам факт того, что бухаринские взгляды на сельскохозяйственную кооперацию как на столбовую дорожку крестьян к социализму в чём-то совпадали с взглядами Чайнова, был отмечен Э.М. Щагиным, который при этом подчёркивал лишь внешнее сходство²⁸.

Альтернативная позиция Н.И. Бухарина и его сторонников в партийно-государственном руководстве состояла в преимуществе экономических методов перед административными в решении главной политической задачи – получить крестьянский хлеб. В драматической борьбе в партийной верхушке за выбор политического курса Бухарин отстаивал то, во что свято верил. «Убеждение, что крестьянина надо принимать таким, каков он есть, – писал М.Л. Левин, – и направлять на путях личного интереса к лучшим и наиболее развитым социальным и экономическим структурам, было одной из плодотворнейших бухаринских идей, которая имеет практическое значение и по сей день»²⁹. За этим убеждением стояли и собственные теоретические разработки в области экономической теории, и труды А.В. Чайнова и других представителей организационно-производственного направления.

Сталин не мог не понимать, что в борьбе за лидерство в партии он должен противопоставить этой идеологии нечто столь же наукообразное, выглядящее как фундаментальная социально-экономическая теория. Отправным пунктом умпостроений Сталина в аграрном вопросе было желание «разобраться» с крестьянством. Понимая, что от проблемы хлебозаготовок никуда не уйти, он в теории и на практике решал эту проблему прямолинейно: у кого хлеб, тот и «действительный диктатор России». В сталинском окружении в ходу была фраза: «Мы не можем зависеть от кулака». Но это была демагогия. Фактически это направление в политике состояло в стремлении к независимости от крестьянина, организованного в земельное общество, в общину. В своих выступлениях Сталин начинает цитировать ленинские высказывания по поводу капиталистической сущности крестьянского класса. Уже в феврале 1928 г. во время своей сибирской поездки он, выступая перед местными партийными функционерами, чувствовал необходимость какой-то конструктивной программы и говорил о колхозах и совхозах. Сельскохозяйственная артель или колхоз ещё со времен военного коммунизма ассоциировались в теории с развитием социалистических форм производства в сельском хозяйстве. В годы нэповского рынка было не до теории. Теперь времена решительных действий власти по отношению к деревне возвращались, и потребность в теоретическом обосновании этих действий возростала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Данилов В.П. Бухаринская альтернатива // Бухарин: человек, политик, ученый. – М., 1990; Он же. Аграрные реформы и крестьянство России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1995. – С. 11–12; Он же. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? ... Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. – М., 1999. – С. 15;

Он же. К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век. – М., 2001; Он же. Альтернативы сталинизму в их историческом значении // Кто и куда стремится вести Россию? ... Факторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Международный симпозиум. – М., 2002 и др.

² Данилов В.П. Бухаринская альтернатива // Бухарин: человек, политик, ученый. – М., 1990. – С. 83, 88.

³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С. 24.

⁴ См.: Цакунов С.В. Развитие экономических взглядов Н.И. Бухарина после перехода к нэпу // Бухарин: человек, политик, ученый. – С. 313.

⁵ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 169.

⁶ Правда. – 1925. – Март.

⁷ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 171, 173 – 175, 184.

⁸ См.: Там же. С. 196.

⁹ Данилов В.П. Бухаринская альтернатива. – С. 97.

¹⁰ См.: Сталин И.В. Сочинения. – Т. 12. – М., 1949. – С. 28–29.

¹¹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 182–183.

¹² Данилов В.П. Указ. Соч. – С. 99.

¹³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 184–185.

¹⁴ Он же. Очередные задачи партии. Доклад на 16-й Московской губернской партконференции 20 ноября 1927 г. – М.; Л., 1928. – С. 37, 45.

¹⁵ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 323–324.

¹⁶ Подробнее см.: Роголина Н.Л. Характер восстановления аграрного производства в 1920-е годы // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII – XX веках: пороги безопасности: Сб. статей. – Оренбург, 2008. – С. 278–279.

¹⁷ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 268, 312.

¹⁸ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18 – 31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. – М.; Л., 1926. – С. 135.

¹⁹ Данилов В.П. Введение (Истоки и начало трагедии) // Трагедия советской деревни: сб. документов и материалов. – Т. 1. – М., 1999. – С. 15–16.

²⁰ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – С. 391–392.

²¹ Там же. С. 409.

²² Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989. – С. 282.

²³ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 12. – С. 29.

²⁴ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. – М. – С. 250.

²⁵ Данилов В.П. Бухаринская альтернатива. – С. 96.

²⁶ См.: Шагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России XX век: сб. научных трудов. М., – Тамбов, 1999. – С. 282.

²⁷ См. также: Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996. – С. 197.

²⁸ Шагин Э.М. Очерки истории России, её историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). – М., 2008. – 759 с. – С. 462 – 469.

²⁹ Цит по: Бабашкин В.В. Россия в 1902 – 1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. – М., 2007. – 232 с. – С. 157.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩИНЫ И КООПЕРАЦИИ

История кооперации в России началась в последней трети XIX в. После отмены крепостного права патриархальный строй русской деревни начал разлагаться. Натуральное хозяйство сменялось товарным. Деревня всё больше нуждалась в деньгах – и для самого хозяйства, и для промыслов, для домашних нужд, для уплаты податей.

На рубеже XIX – XX вв. наблюдался быстрый рост торговой, потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации. К 1917 г. Россия подошла с развитой системой кооперации, охватывавшей не менее третьей части населения, и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни.

Опыт российской дореволюционной кооперации свидетельствовал о том, что кооперативное движение, особенно в деревне, возникало, прежде всего, с образованием кредитной кооперации со смешанными функциями.

Сложившееся до революции кооперативное движение при всей разнохарактерности вливавшихся в него интересов в основном было ориентировано на те группы населения, которые имели определённые накопления и предпринимательский уклон (прочную связь с рынком). Обслуживая наличные экономические (буржуазные по своей природе) отношения, кооперация становилась органической частью капиталистической экономики, в ряде случаев выступала в роли не только её организатора, но и стимулятора. С известной долей оснований В.И. Ленин причислял дореволюционную кооперацию к госкапиталистическим формам хозяйства.

Новая же, «комбедовская» струя предлагала принципиально иную направленность работы, иной состав участников, иной круг взаимоотношений.

Если традиционная кооперация взламывала границы мелкобуржуазности, полунатуральности, «выводила» крестьянина в индустриальный «свет», то вновь создаваемая консервировала патриархальность, а если и прорывала, то в основном в сторону государства.

Следовательно, кооперация становилась своеобразным полигоном для «обкатки» в массовом масштабе тенденций к уравнительности, к собесу. Эта линия постепенно набирала силу в годы войны и особенно должна была проявить себя в годы восстановления, когда огромные массы крестьян из разряда бедноты перемещались в середняки, воспроизводя и консервируя соответствующий круг экономических отношений (на стадии полунатуральности). В годы войны она нашла отражение в «военно-коммунистических» проектах ломки кооперации и сразу же была зафиксирована и развита в условиях нэпа.

Основой русской революции являлась крестьянская революция, начавшаяся в 1902 г. и завершившаяся в 1922 г. Она придала народный характер революции, включавшей и демократические, и социалистические потоки, сбросила самодержавно-помещичий режим, передала крестьянству все сельскохозяйственные земли на тех условиях и в тех формах, которые отвечали крестьянским требованиям. Она привела к власти большевистскую партию – единственную партию, принявшую и осуществившую эти требования, и в то же время оказала решительные противодействия большевистским попыткам сходу осуществить в деревне идеи пролетарской социалистической революции. Среди последних была попытка провести революционными средствами коллективизацию крестьянских хозяйств в массовом масштабе. Крестьянское сопротивление очень скоро отрезвило большевистское руководство.

В кооперативном движении 1917 г. необходимо различать поведение кооперативного руководства, аппарата от поведения самих кооперированных масс, в нашем случае, от крестьян. Они

могли независимо от кооперативной принадлежности принимать самое активное участие в революционной борьбе.

Соединяя в себе черты экономической организации и общественного движения, кооперация неизбежно вынуждена вступать в отношения с государством, различными политическими силами, приспосабливаться к проводившейся ими политике и, по мере возможности, оказывать определённое воздействие на нее. Усиление внимания политических партий к кооперации, особенно в решающие моменты истории, явилось основанием для выработки идеологами кооперации отношения к политической деятельности и партиям. В основе этой позиции лежал один из основополагающих принципов кооперативного движения – принцип политического нейтралитета. Вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение, поскольку кооперация является организацией чисто хозяйственной. Если же кооператив входит в связь с политическими партиями, отказавшись от принципа политического нейтралитета, это приводит к раздроблению кооперации и ослаблению её сил.

Наиболее ярким проявлением политической деятельности кооперации стало её участие в выборах в Учредительное собрание, закончившееся полным провалом. Поражение было настолько очевидным, что в дальнейшем многие кооперативные лидеры считали себя не вправе делать какие-либо политические заявления и выступления от имени организованных в кооперацию масс.

Признавая, что кооперативные организации по своей структуре, по своей природе не приспособлены к политической борьбе, кооператоры приходили к выводу о невозможности осуществления в полной мере принципа нейтральности кооперации.

В результате многостороннего обсуждения проблемы взаимоотношений кооперации и политических партий теоретиками кооперации были выработаны определенные принципы¹, которые могут быть сведены к следующему: с точки зрения принци-

пов кооперации и хода хозяйственного развития кооперативные организации не должны и не могут держаться аполитизма и нейтральности; на деле кооперативные организации попадают в ту или иную зависимость от борьбы партий; кооперативные организации не могут одинаково безразлично относиться к политическим партиям, партии, со своей стороны, также не могут безразлично относиться к кооперации; по характеру, типам и задачам партия и кооперативные организации не должны и не могут заменять одна другую или становиться на место одна другой; кооперация как общественное движение и как организация заинтересована в том, чтобы партии выработали определённую программу в отношении кооперации, в том, чтобы партии вели активную работу в области кооперативного законодательства, в том, чтобы тактика партий не нарушала независимости и самостоятельности кооперативов.

Из многочисленных российских политических партий, действовавших на политической арене до 1917 г. и в период революции, наиболее полно выразила своё отношение к кооперации и близко подошла к пониманию кооперативного идеала партия социалистов-революционеров. Ко времени победы Октябрьской революции и сосредоточения государственной власти в руках большевистской партии, последняя не располагала сколько-нибудь чётким представлением о месте кооперации в социально-экономической жизни общества и чёткой программой её использования. Это признавал и Ленин, когда он накануне взятия власти большевиками предупредил, что неверным было бы рассчитывать на то, что «Маркс и марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности», что «конкретно, практически, это покажет опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»².

На практике одерживала победу политика, вытекавшая из идеи слияния кооперации с государственным аппаратом. Первая попытка огосударствления кооперации в конце 1917 – начале 1918 гг. встретила решительное сопротивление кооператоров. В процессе выработки концепции организационной структуры

управления В.И. Ленин выдвинул идею привлечения к решению этой задачи сложившейся в стране сети кооперативных организаций. Предпочтение было отдано потребительской кооперации, которая была наиболее массовой и организованной ветвью кооперативного движения. Кроме того, в её состав входил рабочий класс – субъект провозглашенной диктатуры.

Лениным В.И. в конце декабря 1917 г. в «Проекте декрета о потребительских коммунах» была выдвинута идея организации функционирования общества как единой сети «потребительски-производственных коммун». Он писал: «Ячейкой должны быть потребительно-производительные (лучше чем закупочно-торговые etc.) волостные союзы, играющие роль и комитетов снабжения и органов сбыта...»³.

В результате переговоров с руководителями кооперативов в апреле 1918 г. был принят компромиссный декрет «О потребительских кооперативных организациях»⁴. Кооперация брала на себя выполнение государственных поручений по распределению предметов потребления среди всего населения, однако сохранялась как самостоятельная организация с присущими ей внутренними принципами деятельности. Так, сохранялись добровольность вступления в кооперацию, вступительные и паевые взносы. Этот компромисс Ленин в статье «Очередные задачи советской власти», написанной сразу же после принятия декрета, объяснил тем, что советская власть ещё не успела «наладить учёт и контроль в общегосударственном масштабе», в противном случае обошлись бы «без содействия буржуазных кооперативов», без «уступок буржуазному принципу», на котором основана деятельность кооперации⁵.

Ленин В.И. 2 февраля 1919 г. написал письмо «О мерах перехода от буржуазно-кооперативного к пролетарски-коммунистическому снабжению и распределению»⁶. В этом небольшом письме достигает своей законченности оценка кооперации как чисто буржуазной организации, происходит полное отождествление понятий «буржуазная» и «кооперативная». Ленин объяс-

няет, почему кооперация является буржуазной: даёт выгоды в виде дивиденда на пай группе «особых пайщиков»; сохраняет свой особый аппарат, не втягивая в него, как он думал, население, особенно пролетариат; при распределении продуктов не даёт выгод полупролетариям перед середняками, середнякам перед богачами; «не очищает излишков» сначала у богачей, потом у середняков. То, что Ленин требовал сделать с кооперацией, чтобы она перестала быть «буржуазной», означало только то, что она должна была перестать быть кооперацией⁷.

На основе положений ленинского письма от 2 февраля ВЦИК и СНК 20 марта 1919 г. приняли декрет «О потребительских коммунах»⁸, согласно которому в городах и сельских местностях потребительские кооперативы должны были быть объединены и реорганизованы в единые распределительные органы – потребительские коммуны, охватывающие всё население данной местности. Членство в потребительских коммунах стало обязательным для каждого гражданина. Все коммуны, в свою очередь, должны были входить в губернские коммуны под руководством наркомпрода.

В те же дни VIII съездом РКП(б) была принята Программа партии, в которой содержался прямой призыв «неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» и осуществлять меры, «расширяющие область безденежного расчета и подготовляющие уничтожение денег»⁹. Полностью одобрялся и высоко оценивался в Программе декрет о потребительских коммунах. Правда, в резолюции «Об отношении к среднему крестьянству» того же съезда признавалось, что «кооперативные объединения крестьян...должны находить со стороны государства широкую помощь, как финансовую, так организационную»¹⁰.

Одной из центральных проблем общей теории кооперации явилось выяснение места кооперативных предприятий в системе капиталистических отношений и её роли в будущем строе, кото-

рый, по убеждению многих теоретиков, должен быть социалистическим. Рассматривая такие предприятия как более высокую форму экономической организации, по сравнению с существовавшими тогда при капитализме формами и оценивая их как некапиталистические, они прогнозировали формирование на этой основе элементов социалистического общества, хотя степень отличия кооперации от капиталистических предприятий каждый из них трактовал по-разному. Будучи в большинстве своём по мировоззрению социалистами, они имели представление о таком строе, который принципиально отличался от марксистско-ленинской доктрины, и тем более от того режима, который под вывеской социализма был позднее установлен в СССР. Вместе с тем важно подчеркнуть, что некоторые наиболее дальновидные мыслители чувствовали, а возможно и понимали, что кооперация не может заменить все остальные формы экономических организаций и «упразднить» полностью капиталистические формы, что неизбежно и даже целесообразно сосуществование различных форм, в конкурентном противостоянии с которыми кооперация может развиваться и спасаться от бюрократизации.

Касаясь разработки теоретических проблем отдельных видов кооперации, следует выделить сельскохозяйственную кооперацию, так как многие теоретики рассматривали крестьянское хозяйство как основную область, где приложение кооперативных начал особо необходимо и эффективно. Общее, что объединяет авторов таких работ, – это исследование связей между социально-экономическими процессами в деревне в конце XIX – начале XX вв. (рост товарности крестьянского хозяйства, его потребностей в кредитах, сбыте своей продукции и приобретении средств производства) и формированием системы сельскохозяйственной кооперации. Все они в той или иной мере разрабатывали концепцию множественности функций и форм сельхозкооперации, прогнозировали направления и последовательность их развёртывания с учетом экономических потребностей крестьянского хозяйства.

В то время, когда началось осуществление декрета о потребительских коммунах, остальные виды кооперации – сельскохозяйственная и кустарно-промысловая – продолжали существовать на сложившихся компромиссных началах. Однако мартовский декрет 1919 г. уничтожил сохранявшуюся до тех пор систему договоров, которая помогала защищать интересы кооперации в её хозяйственной деятельности. Снабжение населения совершалось на основе передоверия наркомпродом заготовки тех или иных групп продовольствия кооперации. Декрет аннулировал этот порядок, обязав кооперативный аппарат выполнять задания в порядке общего законодательного акта.

Обстановка для деятельности этих видов кооперации становилась всё более противоречивой. С одной стороны, руководители страны понимали, что без поддержки середняцких слоёв в деревне победу в гражданской войне не одержать, власть не сохранить. С другой стороны, проведение в жизнь экономической политики, рассчитанной на перевод страны на бестоварные, безденежные отношения, на прямой натуральный обмен вошло в явное противоречие с объективной природой кооперации.

Сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация до конца 1919 г. всё ещё сохраняла свой самостоятельный характер, но она не могла оставаться в стороне от процесса огосударствления. Совнарком 29 января 1920 г. принял декрет «Об объединении всех видов кооперативных организаций»¹¹. Одновременно был ликвидирован Совет Всероссийских кооперативных съездов. Летом началась реорганизация сельскохозяйственной кооперации. Сельскосоюз был превращён в хозяйственную секцию Центросоюза, затем возникли «сельсекции» в правлениях губернских союзов потребкооперации, в конце года началось объединение низовой сети. Некоторая часть сельскохозяйственных кооперативов сохранялась, большинство же – распалось, реорганизация нарушила все хозяйственные связи.

К концу гражданской войны кооперация оказалась, по справедливому выражению В.И. Ленина, «в состоянии чрезмер-

ного удушения»¹². Большевикам удалось фактически завершить «политическое овладение кооперацией»¹³.

1918 – 1920 гг. связаны с борьбой большевиков за овладение кооперацией, за проведение в жизнь ленинских идей о превращении общества в сеть потребительско-производственных коммун, за превращение кооперативного аппарата в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, к превращению кооперации в государственную организацию, к утрате ею истинно кооперативных принципов деятельности: хозяйственной самостоятельности, экономической независимости, к обязательности членства в кооперации для всего общества (по декрету «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г.)¹⁴. Декрет от 27 января 1920 г. предписал слить все виды кооперации (сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитную) в единую систему потребительской кооперации во главе с Центросоюзом. Как видим, кооперация, утратив свои кооперативные принципы, но сохранив название и организационную структуру, сохранилась за годы гражданской войны лишь как потребительская. К началу нэпа потребительская кооперация подошла в качестве подсобного аппарата наркомпрода в осуществлении заготовительно-распределительных функций. Над ней был установлен жёсткий административный контроль со стороны наркомпрода и его местных органов, по заданиям и разнарядкам которых она распределяла наличное количество предметов потребления на основе классового пайка фактически бесплатно. Такое положение деформированной кооперации полностью вписывалось в марксистскую концепцию безрыночного социализма.

Это положение не было следствием упущений, а вытекало из теоретических позиций руководства. В апреле 1921 г. В.И. Ленин заявил, что «свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализма»¹⁵. В директивном письме ЦК РКП(б) партийным организациям от 9 мая 1921 г. перед потребительской кооперацией ставилась задача

увеличить объём распределяемых ею продуктов и организовать обмен промышленных товаров на излишки крестьянского производства¹⁶, но совершенно обходился вопрос о восстановлении её деятельности на основе рыночных принципов.

В начале 1920-х гг. большевистское руководство в условиях экономической катастрофы лихорадочно предпринимало попытки выйти из торговой изоляции и таким образом сохранить режим от неизбежного краха. Возрождавшаяся в условиях нэпа сельскохозяйственная кооперация с удовлетворением приняла последовавшее после неудач государственных структур и потребительской кооперации правительственное предложение о возобновлении внешнеэкономической деятельности. Сразу же были предприняты усилия по поиску возможных путей сбыта товаров на внешнем рынке.

Однако товарообмен с первых шагов его организации весной 1921 г. сосуществовал и конкурировал с частным рынком и, как правило, попадал под влияние рыночной конъюнктуры. Товарообмен срывался, превращался в куплю-продажу, поэтому ряд кооперативных организаций одними из первых поставили вопрос о реализации товарообменных фондов на рынке и проведении заготовительной работы по рыночным ценам.

Осенью 1921 г. стал очевидным полный провал товарообмена. Это вынужден был признать В.И. Ленин в заявлении в октябре: «Оказалось ... что товарообмен сорвался... С товарообменом ничего не вышло»¹⁷. Ещё раньше стала ясна необходимость отказаться от фиксированного эквивалента обмена, и постановлением СНК от 26 октября 1921 г. разрешалась его замена «эквивалентом и ценами, устанавливаемыми по согласованию сторон применительно к средним рыночным ценам соответствующих районов». Потребкооперация получила также право свободно определять цены на реализуемые ею полученные по договорам с госорганами товары «в зависимости от условий рынка»¹⁸.

В декабре 1921 г. XI Всероссийская конференция РКП(б) предложила оказывать широкую поддержку всем видам кооперации, предоставив ей благоприятные возможности в деле заготовок и развития местной промышленности, а также обеспечить кооперации свободное распоряжение её продуктами¹⁹. Тем самым большевики разрешили кооперации превратиться из распределительного аппарата наркомпрода в самостоятельную хозяйственную организацию населения, действующую в условиях рынка и приспособленную к нему. Однако предоставляя кооперации право на производство товарообмена, коммунисты утверждали необходимость всестороннего контроля за её деятельностью со стороны государства. В решениях XI партийной конференции отмечалось, что государство, опираясь на сосредоточенные в его руках «командные высоты», должно обеспечить себе в кооперативных организациях «влияние, соответствующее представляемым им интересам трудящихся масс»²⁰.

К декабрю 1921 г. кооперация повсеместно начала реализацию имеющихся у неё товаров за дензнаки, открыла свои магазины, но была уже одним из многих контрагентов рыночных отношений, выступая наряду с частными посредническими конторами, магазинами совнархозов, рыночными спекулянтами-перекупщиками, мешочниками и т.п. Ведущую роль в восстановлении рыночных отношений играла частная торговля и вышедший из подполья чёрный рынок. Линию активной поддержки рыночных отношений проводила лишь ничтожно малая часть губсоюзов²¹. В целом кооперация вступала в нэп с громоздким разветвленным аппаратом, который в большинстве своём был экономически и организационно слаб. Работа многих кооперативных организаций замирала от отсутствия оборотного капитала и неудовлетворительного хода товарообмена. Потеряв время с включением в рыночные отношения, Центросоюз и его подразделения на местах одновременно переживали кризис доверия со стороны госорганов и госпромышленности, так как они фактически не выполнили своих обязательств по товарообмену.

Центросоюзу с трудом удавалось перестраивать свою работу и вписываться в структуру рыночных отношений. Он был вынужден идти на сокращение низовой сети, вновь создавать свою кредитно-финансовую систему. Кооперация потеряла монопольное положение посредника во взаимоотношениях государственной промышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством, и свободное место в посреднической деятельности быстро занимал частник²².

Известные события военного коммунизма и гражданской войны заставили советскую власть в начале 1921 г. изменить свою политику. Менялась она и в отношении кооперации. Как известно, вся политика этого периода вытекала из принципиальных представлений о создавшемся строе. При нэпе были отменены наиболее одиозные её компоненты; принципиальные начала этой политики остались незыблемыми. Так, уже в выступлениях на X съезде РКП(б) В.И. Ленин называл кооперацию среди тех первых участков работы, где нужна резкая перемена политики.

По поводу ленинских идей о кооперации интересные сведения содержатся в воспоминаниях Н. Валентинова (Н.В. Вольского), в которых приводятся записи беседы В.И. Ленина с заместителем председателя ВСНХ М.К. Владимировым (Штейнфинкелем), состоявшейся в конце ноября 1922 г. Эту беседу последний назвал «напутствием». Ленин сказал, что две области у нас сейчас самые главные. Первая – это торговля, это научиться торговать для смычки с деревней, с крестьянством. Без этого может наступить день, когда крестьянство нас пошлёт к чёртовой матери. Если (крестьянин) увидит, что за свои продукты он будет получать больше чем прежде ситца, сахара, обуви, посуды, орудий, если увидит, что налоги меньше, мужик будет вполне доволен новым строем. А если не будет доволен, справиться со стомиллионным крестьянством трудно, невозможно. Кронштадтское восстание, антоновщина, бунты в Тамбовской и других губерниях для нас грозное предупреждение. Вторая важ-

нейшая область – это финансовая. Нам нужна твёрдая валюта, хороший рубль²³. Когда Ленин говорил о кооперации, отмечал автор, он совсем не имел в виду колхозы – коллективные производственные объединения. Конечно, они появятся, но отнюдь не в ближайшие годы. Исходя из беседы с Лениным, Владимиров выступал за увеличение покупательной способности крестьянства, за введение особого вида крестьянских векселей, гарантированных сельской кооперацией, за создание особых паевых обществ в деревне с участием в них кооперации для приобретения крестьянами орудий и товаров потребительского назначения²⁴. Однако всё сказанное осталось, к сожалению, на словах. Практика оказалась совсем иной.

Крах экономической политики 1918 – 1920 гг., в том числе и в области кооперации, следствием чего было назревание острого политического кризиса и массовые вооруженные выступления против советской власти населения, и особенно крестьян, вынудил руководство страны предпринять попытку достижения безрыночного, бестоварного социализма путём обходного манёвра, более медленным и постепенным путём. Суть этого манёвра состояла в том, чтобы использовать отдельные, ранее отвергавшиеся, компоненты нормальных экономических отношений для вывода страны из кризиса, а затем довершить начатое дело. В качестве одного из таких компонентов была избрана кооперация, которая по замыслу руководства страны могла обеспечить менее болезненный переход страны к желанному строю, чем путь продотрядов, комбедов и продрозвёрстки.

В связи с этим было признано целесообразным частично восстановить кооперацию и приспособить её не к ломке экономических отношений, а к обходному манёвру. Работа началась с потребительской кооперации, так как она, согласно марксистскому подходу, была ближе к социализму, чем другие виды кооперации, ввиду участия в её составе рабочего класса и завоевания компартией в 1919–1920 гг. господствующих позиций в руководстве ею.

Переход к нэпу менял положение и функции кооперации. Она снималась с государственного финансирования и должна была начать работать на собственные средства. Кооперация теперь должна была противопоставить свою деятельность развитию частной торговли на сельскохозяйственном рынке: вести через свой аппарат заготовку излишков сельскохозяйственной продукции, оставшейся у крестьян после сдачи продналога, в обмен на промышленные товары.

Перестройка работы кооперации в первые годы нэпа встречалась с большими трудностями из-за тяжести груза, оставленного временем военного коммунизма. Она не могла сразу стать «мостом между городом и деревней», не могла полностью удовлетворить потребности населения. Причиной этому послужило, помимо объективных условий того времени (натуральное хозяйство, голод 1921 г. и т.д.), то обстоятельство, что в предыдущий период государственные органы целиком подчинили себе кооперативный аппарат. Из времени военного коммунизма потребкооперация вышла с громоздким аппаратом, разбухшим во время государственного финансирования, аппаратом, приспособленным для механического распределения, но малопригодным для широкой самостоятельной работы в новой обстановке.

Эти недостатки кооперативных организаций, хотя и были менее заметны по сравнению с бюрократичностью и дороговизной услуг государственных хозяйственных организаций, тем не менее сильно и очень больно повлияли на развитие кооперативного движения 1920-х гг. К этому следует добавить идеологическое пренебрежение большей части инструкторов к торговым вопросам, которое оказывало отрицательное влияние на обновление кооперативов. Среди инструкторов преобладало мнение, что торговля есть вынужденная необходимость. В итоге инструкторская работа в кооперативных организациях приобрела характер инспекционной.

Из всего сказанного вытекало, что перед советской кооперацией стояли две важные задачи. Одна из них состояла в соз-

дании разветвлённой сети кооперативных организаций, где население смогло бы самостоятельно проявить свою хозяйственную инициативу и удовлетворить свои потребности. Вторая – подготовить квалифицированные кадры, способные воссоздать неразрывную связь экономического и общественного значения кооперативного движения. Однако выполнение этих задач было ограничено рамками государственной кооперативной политики.

В первый год нэпа расширение свободы кооперации, как представляли руководители страны, должно было помочь найти выход из крайне тяжёлого экономического кризиса, усугубленного неурожаем и голодом на значительной части территории страны. После перехода к нэпу потребительская кооперация не была полностью «отпущена на волю», причём степень дозволенной ей свободы была меньшей, чем степень свободы кустарно-промысловой и сельскохозяйственной кооперации. Если последние получили относительно свободные условия функционирования и выхода на рынок, то потребительская кооперация декретом от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» и постановлением СНК от 17 мая о договоре между наркомпродом и Центросоюзом в значительной мере оставалась привязанной к партийно-государственному аппарату²⁵. Сохранялась трёхступенчатая структура организации (ЕПО, губсоюз, Центросоюз) и обязательная приписка всего населения к потребительским обществам, что фактически означало отсутствие членства – основного атрибута кооперативной организации. Такое положение сохранялось до декабря 1923 г. Правление Центросоюза – руководящего органа потребкооперации – по партийному составу полностью было большевистским. Только в 1922 г. пошли на уступку: из 15 мест в правлении три отдали беспартийным кооператорам, т.е. специалистам своего дела, но в 1924 г. число членов правления довели до 18 при сохранении за опытными кооператорами тех же трёх мест²⁶.

Относительно выхода потребкооперации на рынок необходимо отметить, что это было сделано в форме, ничего общего не

имеющей с нормальной рыночно-кооперативной деятельностью, формой, как выполнением государственных заданий по осуществлению натурального обмена промтоваров на продукты крестьянского производства по разнарядкам наркомпрода.

По мнению В.П. Данилова, кооперация становилась определяющим фактором новой экономической политики, поскольку она решала проблему социалистического развития для основной массы населения. Нэп должен был не просто осуществляться через кооперацию, а иметь в качестве положительной цели максимальное развитие кооперации и превращение её во всеобщую форму социальной организации населения. При этом массовая коллективизация крестьянских хозяйств, как исходный пункт движения деревни к социализму, исключалась²⁷. Но всему помешал сталинский термидорианский переворот.

К концу 20-х гг. положение потребительской кооперации было весьма противоречивым. Уже к 1928 г. потребительская кооперация стала наиболее массовой кооперативной организацией, объединявшей более трети крестьянских хозяйств²⁸. Она стала крупнейшей хозяйственной организацией, игравшей большую роль в удовлетворении потребностей широких масс населения и экономики в целом. В годы нэпа деятельность потребкооперации ускорила восстановление народного хозяйства. Вместе с тем на процессе развития потребкооперации негативно сказалась формировавшаяся административно-командная система руководства народным хозяйством, курс на огосударствление системы потребкооперации. Однако вернуться к работе на истинно кооперативной основе она не могла. И не только в силу своей хозяйственной слабости, товарной и финансовой зависимости от государства. К концу 1927 – началу 1928 гг., когда рыночное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством было нарушено, а рыночное распределение продовольствия, сырья и товаров заменялось плановым, отпадала всякая необходимость в рыночном посредничестве – частном, кооперативном и др. Поэтому сохранились организационно потреби-

тельская кооперация могла лишь при условии успешного осуществления функций планово-распределительной системы. К концу 1920-х гг. потребительская кооперация полностью потеряла признаки рыночной хозяйственной организации и превратилась в составную часть государственной системы распределения.

Бюрократизация кооперативных организаций и недоверие населения к кооперативам являлись главным препятствием для проведения советской политики в области кооперации, которая считалась «прочным мостком», ведущим мелкокрестьянскую страну к социализму. Бесконтрольность в деятельности приводила к злоупотреблениям, хищениям и т.п. со стороны кооперативных работников.

Интересную эволюцию в годы нэпа проделала сельскохозяйственная кооперация. С первых дней введения нэпа в ряде законодательных актов подчёркивалось важное значение этого вида кооперации. В первое время получили распространение универсальные сельскохозяйственные товарищества, которые выполняли весь комплекс функций сельхозкооперации – снабжение, сбыт, переработку продуктов, без какой-либо специализации на той или иной функции. Такое положение соответствовало состоянию послевоенной разрухи и разрушению рыночных связей и механизмов. Кредитные товарищества того времени были универсальными, выполняя не только кредитные, но и все другие операции по обслуживанию нужд крестьянского хозяйства. К категории сельскохозяйственных кооперативов относилась тогда и небольшая группа простейших производственных объединений (машинные, мелиоративные, семеноводческие).

Основную же группу составляли объединения, имевшие своей задачей кредитование, снабжение средствами производства и сбыт продукции единоличного крестьянского хозяйства. Однако появилась и группа сельскохозяйственных кооперативов, представлявших собою простейшие производственные объединения с элементами общественной собственности на средства производства и общественного труда.

Частичное кооперирование производства наблюдалось в машинных товариществах, мелиоративных, семеноводческих, животноводческих, поселковых товариществах.

Для периода нэпа было характерно существование и так называемых диких кооперативов, т.е. таких организаций, которые осуществляли свою деятельность, минуя руководство со стороны Центросоюза, Сельскохозяйственного союза и Всекопромсоюза и стоящего над ними Центрального кооперативного совета (ЦКС). В массе своей, по убеждению В.П. Данилова, дикие товарищества являлись вполне кооперативными организациями; они имели устав, выбирали правление, соблюдали членство и взимали членские взносы, были зарегистрированы в местном земельном отделе. Земельные органы и осуществляли обычно руководство такими кооперативами, а иногда финансировали их деятельность, и сам факт существования диких кооперативов в таком количестве свидетельствовал о жизнеспособности крестьянской кооперации в условиях рынка²⁹.

Если община оказывается востребованной в наиболее тяжёлых для крестьян условиях, когда «не до жиру, быть бы живу», то крестьянская кооперация – это свидетельство того, что тяжкие дни миновали (временно), и рынок (тот самый «жир») продолжает разлагать устои общинного натурально-потребительского уклада, как это было в достопыпинский и в довоенный период, когда процессы социального расслоения деревни шли своим чередом.

Что касается общины, то она составляет зародыш формы, наиболее соответствующей земледельческому государству. Ей предстоит только развиваться и осуществить те хорошие результаты, которых достигла ассоциация на Западе. Так получается либерализм с верой в общину, а в данном случае это был совсем не либерализм.

В 1928–1929 гг. началась массовая насильственная коллективизация сельского хозяйства, поэтому участились случаи конфликтов с властями. В этих конфликтах община естествен-

ным образом становилась основой крестьянского сопротивления насильственным действиям государства. Вековые традиции общинной взаимопомощи во многих случаях оказывались сильнее искусственно разжигавшихся «классовых» страстей. Крестьянин отлично понимал, что беды соседнего двора, в конце концов, могут коснуться и его собственного.

«Оппозиционность» общины, проявившаяся в ходе кампаний в конце 1920-х гг., заметно усилила напряжённость её отношений с государством. Это обстоятельство оказало существенное влияние на решимость советской власти продолжить политику ограничения прав общины и подчинения её руководству сельского совета.

Окончательная ликвидация общины – традиционного института хозяйственного и социального самоуправления русского крестьянства, сохранившегося в дореволюционной России и значительно укрепившегося в первое десятилетие России советской – произошла в период сплошной коллективизации, когда несоответствие общины планам аграрных преобразований советской власти стало наиболее явным.

Полностью использовав уравнилельно-фискальные функции общины, круговую поруку, убедившись в невозможности её огосударствления, но в возможности на её основе без всяких промежуточных звеньев перейти от совместного пользования землей к совместному труду на ней, власти в 1928 г. запретили общину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861 – 1930. – Иваново, 2002. – С. 315 – 317, 320–321; Мальчук В.Н. Потребительская кооперация в системе социально-экономических отношений Советского государства (1917 – 1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1999. – С. 26.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 116.

³ Там же. Т. 35. – С. 206.

⁴ Декреты Советской власти. – М., 1959. – Т. 2. – С. 91–92.

- ⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 36. – С. 186–187.
- ⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 37. – С. 471–472.
- ⁷ См.: Файн Л.Е. Указ.соч. – С. 343.
- ⁸ Декреты Советской власти. – М., 1968. – Т. 4. – С. 503 – 507.
- ⁹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 55–56.
- ¹⁰ Там же. С. 80.
- ¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. – Т. 1. – С. 149–150.
- ¹² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 43. – С. 64.
- ¹³ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 260.
- ¹⁴ Декреты Советской власти. – М., 1968. – Т. 4. – С. 503 – 507.
- ¹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 43. – С. 225.
- ¹⁶ Директивы КПСС... – С. 234 – 237.
- ¹⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 44. – С. 207– 208.
- ¹⁸ См.: Файн Л.Е. Указ.соч. – С. 164.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 469.
- ²⁰ Там же. С. 302.
- ²¹ Суворова Л.Н. Потребительская кооперация на нэповском рынке // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории: межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1996. – Вып. 1. – С. 105.
- ²² Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. – С. 183.
- ²³ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания. – М., 1991. – С. 273–274.
- ²⁴ Там же. С. 280, 281–282.
- ²⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1928. – Т. 1. – М., 1957. – С. 230 – 232.
- ²⁶ См.: Файн Л.Е. Потребительская кооперация и потребительский рынок в первой половине 20-х годов // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории: межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1997. – Вып. 2. – С. 161.
- ²⁷ См.: Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. – Т. 1. – М., 1999. – С. 15–16.
- ²⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М., 1979. – С. 211–212.
- ²⁹ См.: там же. – С. 221–222.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ ОБЩИНЫ И КООПЕРАЦИИ

В нашем историческом знании всё ещё бытует представление о схожести и преемственности таких разных явлений как община и кооперация. В связи с этим предполагается возможность модификации общины в кооперацию, в коллективные производственные объединения артелей и товариществ.

Согласно схеме В.П. Данилова, именно потребительская кооперация, достигнув наибольших успехов в сфере товарно-денежного обращения, создавала «первые предпосылки для более глубокого кооперирования деревни, готовила почву для развития сельскохозяйственной кооперации»⁹. Он также признавал, что после революции изменилась природа общины, отмечая при этом в общине много рутинных, консервативных черт и не считал, что община превратилась при советском строе в переходную ступень к сплошной коллективизации.

Дело в том, что происходило смешение понятий, поэтому необходимо разобраться в терминах и функциях общины и кооперации.

Большая часть полемики вокруг общины сводится к тому, чтобы установить: способна ли община «перерасти» в артель, и если «да», то при каких условиях?

Под общиной, как правило, понимается исторически сложившаяся форма совместного пользования землей и крестьянского управления. Основная функция общины находилась в сфере земельных отношений. Община не могла целиком трансформироваться ни в артель, ни в сбыто-снабженческие формы кооперации. Крестьянин был обязательно приписан к обществу, в кооперации было не так.

Кооперация – это добровольное объединение потребителей и производителей с целью совместного производства, перера-

ботки, приобретения, сбыта продуктов, сырья, товаров, получения кредита.

В числе множества функций общины важнейшие можно отнести к сфере производства: сельское общество определяло время пахоты, сева, сенокоса, устанавливало характер севооборота, режим пастьбы скота и т.д. Область же деятельности кооперации – это преимущественно область сбыта и переработки сельскохозяйственных продуктов, кредит, закупка товаров и т.п. Само же производство затрагивалось лишь слегка, но порой весьма существенно (машинное товарищество, прокатные пункты и т.п.). Из этого следует, что община не занималась тем, чем занималась кооперация. Община и кооперация существовали параллельно, без заметных признаков перерастания первой во вторую. Перерастание общины в артель (колхоз) невозможно и потому, что крестьянский труд по своей сути индивидуален. Как подчёркивал В.В. Кабанов, смысл кооперации и общины одинаков – взаимопомощь, но способы и формы её осуществления различны. Кооперация – это коллективизм плюс личность, община – это коллективизм минус личность¹.

Зависимость крестьянина от общины была не везде одинаковой. Революция давала возможность более свободно выделяться трудовым объединениям из общины, однако этот процесс не получил значительного распространения.

По-разному осуществлялось самоуправление в общине и кооперации. Органом управления обществом являлся сельский сход (сход домохозяев), в кооперации – собрание всех пайщиков.

По-разному складывались взаимоотношения индивида с организацией в кооперации и в общине. В общине они строились на строгой соподчиненности личности и сельского общества, его полной зависимости от него, соблюдении жёсткой регламентации хозяйственных процессов, бытовых устоев, морально-этических норм.

В кооперации этого не было. В ней объединяющее начало основывалось, прежде всего, на добровольности вступления, и лишь в силу этого возникала необходимость соблюдения производственной дисциплины. А в начале XX в. взаимоотношения между общиной и индивидом приобретали конфликтный характер, так как консерватизм общины препятствовал развитию почва, самостоятельности и независимости личности.

Кроме того, была сфера принципиального несовпадения. Кооперация – порождение капитализма, для общины капитализм – начало постоянного разрушения; стихия существования кооперации – товарно-денежные отношения, в то время как общину они разрушают. Зато хозяйственная натуральность, замкнутость – стихия общины, как болото, губительны для неё.

Конечно, точки соприкосновения были. Наибольшая вероятность соприкосновения отдельных крестьян и целого общества с кооперацией могла возникать в области переработки сельскохозяйственной продукции. При этом кооперация не была заинтересована во вступлении в кооператив всех членов общества, так как от малоимущих толку не было, да и сами они не стремились в кооператив. Проникая в общество, кооперация не затрагивала прав общины в традиционных сферах её действия. Проникновение кооперации в деревню шло через наиболее уязвимые для общины места, т.е. в тех точках, где влияние общины на крестьянина было наиболее слабым или такового не было вовсе.

Рассматривая вопрос о переплетении общинного и кооперативного начал в процессе развития модернизационных процессов в деревне, исследователи подчеркивали, что цель кооператива – не столько прибыль, сколько более совершенное и дешёвое удовлетворение индивидуальных потребностей его членов, в то время как община организована вокруг проблемы минимального дохода и снижения риска, сохранения культурно зафиксированного уровня существования.

Это экономическая сторона всё той же закономерности развития аграрных обществ: на основе государственно регулируемого рынка после периода «архаизации» деревни, когда крестьянство стремилось обособиться в общине, отгородиться от враждебного внешнего мира, усиливая натурально-потребительский характер своего производства, стремительно возрождается сельскохозяйственная кооперация.

Кооперация крестьянских хозяйств возникала путём объединения их сбытовых, снабженческих и кредитных операций, объединяла рыночные связи хозяйства, т.е. именно то звено деятельности крестьянина-единоличника, которое связывало его с другими хозяйствами, с городом и промышленностью.

Развитие процессов социально-экономического расслоения деревни под воздействием нэповского рынка свидетельствовало об эрозии микроуклада крестьянской общины, которая в классическом своем виде не знала бедности, богатства, эксплуатации. Однако, крестьяне, будучи консервативным сословием, неплохо отдавая себе отчёт, в чём их сила и залог относительной независимости от государства, социальной автономии, стремились бережно относиться к основам своего общинного социального бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997. – С. 35, 37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время исследователи приступили к пересмотру важнейших институциональных условий, таких, как рынок, кооперация, община и убедились, что они являлись не только средствами решения, сколько частью проблемы согласования интересов города и деревни, возможности нормального накопления средств для индустриализации в рамках нэпа.

Это особенно наглядно проявилось в процессе огосударствления кооперации. Она изначально рассматривалась как инструмент государственной политики и не имела шансов стать самостоятельным хозяйственным укладом, институтом гражданского общества – строем цивилизованных кооператоров, т.е. организацией, возвращающей средние слои, чьи доходы увеличивались бы в процессе естественного и оптимального разделения труда в сочетании крупного, среднего или мелкого производства.

Что же касается деревенской общины, то её использование властью в уравнилельно-фискальных целях сменяется формальным запрещением в 1928 г., после того, как выяснилась невозможность её огосударствления по типу сельхозкооперации.

При таком функциональном подходе вырисовываются две разные системы ценностей. В одной связке выступают: национализация земли – общинность – уравнилельность – осереднячивание. В другой: частная собственность – рынок – кооперация – дифференциация. В первой – общинно-коллективистское начало, во второй – лично-индивидуальное. Община представляла собой территориально-хозяйственную общность, невольный союз в связи с землепользованием, а кооперация являла по идее добровольное сообщество людей, удовлетворяющих свои индивидуальные потребности через рыночные отношения. Осереднячивание выступало как социально-экономический результат аграрной революции и последующей политики советской

власти, противостояло процессу имущественного, экономического расслоения.

В условиях кризиса сбыта 1923 г. государство вновь обратило внимание на кооперацию. Кризис сбыта рассматривался политиками как результат неумения госпромышленности и торговли проложить дорогу массовому крестьянскому рынку. Акцент в его преодолении делался на укрепление «смычки» с крестьянским хозяйством, т.е. на развитие торговли. Наряду с госторговлей задачу укрепления «смычки» призвана была решать и кооперация¹. Ей были обещаны льготы, финансирование, кредит, если она свяжет себя с госпромышленностью и госторговлей как поставщик крестьянской продукции, сырья и продовольствия и возьмёт на себя удовлетворение потребительских интересов деревни по самым низким ценам, став конкурентом частнику².

Апрельский (1924) пленум ЦК потребовал от кооперации установления цен на товары ниже среднерыночных, ликвидации всех операций коммерческого характера, не связанных с обслуживанием интересов потребителей, – спекулятивных перепродаж на оптовом рынке товаров народного потребления, торговли предметами роскоши и т.п. – и перехода на обслуживание потребителей (рабочих и крестьян)³. Взамен ей предоставлялось максимальное благоприятствование в подборе ассортимента товаров, в сроках и формах кредитования⁴.

Пленум ЦК отверг все предложения руководства Центросоюза оживить деятельность кооперации за счёт привлечения в неё представителей частной торговли, кулаков при нейтрализации с помощью организационных мер их попыток захвата руководства кооперативами; был запрещён приём в члены кооперации лиц, лишённых избирательных прав (представителей частной торговли, кулаков и т.п.)⁵.

С 1923–1924 гг. роль и значение потребительской кооперации стали расти. Кооперация превращалась в основного торгового партнёра синдикатов, которые увеличивали поставки ей

торговой массы. Она начинала работать на капиталы госпромышленности, сокращая её оборотные средства. Развитие взаимоотношений с кооперацией заставляло синдикаты идти на сокращение поставок частным торговцам, которые были для них более выгодными партнерами и посредниками, поскольку никогда не пользовались такими льготами, а чаще предварительно оплачивали товар⁶.

Для периода нэпа было характерно непрекращавшееся противостояние идеологии большевизма здравому смыслу и экономическим законам. Последние для большевиков не существовали. Противоречие между допуском «буржуазного» в экономике и невозможность такого в идеологии было неразрешимым. Важнейшим противоречием строившегося социализма оказывалось противоречие между планом и рынком. Оно задевало и кооперацию. Кооперация может существовать только в условиях рыночных отношений. План же (в том виде, в каком он сложился к концу 1920-х гг.), как важнейшее средство «социалистического строительства» был направлен на преодоление рынка, преодоление нэпа.

Ленинский призыв к внимательному отношению к кооперации, к пониманию её огромного значения в строительстве социализма не предполагал отказа от намерений преобразовать кооперацию, изменить принципы кооперативной работы в соответствии с «пролетарским» видением мира⁷, поэтому расшатывались и ломались старые кооперативные принципы.

Кооперация распалась, раздиравшаяся противоречиями между кооперативной сущностью своей работы и системой государственного режима. Внешне это выглядело как внутреннее противоречие самой кооперации, преимущественно в сфере организационного строительства.

Эти противоречия возникли сразу после революции. Системе была приемлема кооперация, основанная на самостоятельности, творчестве масс и работающая только в условиях рыночных отношений. Система нуждалась лишь в кооперативном аппарате,

пусть неуклюжем и громоздком, но зато послушном. Кооперация превращалась в государственно-кооперативное предприятие. В этом качестве она утрачивала ранее сильные свои стороны.

Реальные процессы, происходившие в советской экономике в годы нэпа, не соответствовали ориентации страны на создание принципиально нового, социалистического строя. Во второй половине 1920-х гг. это несоответствие стало опасным для власти. И партийно-хозяйственные верхи, и различные слои общества выражали неудовлетворённость ходом и результатами преобразований. Возникла острая необходимость в коренной реорганизации производственной (отраслевой) и технологической структуры экономики, выборе модели такой реорганизации.

Ленин В.И. утверждал, что нэп – это всерьёз и надолго. Но ведь не навсегда? Ибо это противоречило важнейшей доктрине марксизма о необходимости ликвидации товарно-денежных отношений при социализме. Никем не доказано, что Ленин от отрицания товарно-денежных отношений пришёл к их признанию в последних работах.

Не был «рыночником» и так называемый теоретик «рыночного социализма» Н.И. Бухарин. Он не пошел далее Ленина. Для него рынок – также всего лишь допуск на неопределённо долгое время, а не норма. Для Бухарина сущность нэпа – это рыночные отношения. Цель нэпа – «преодолеть нэп, т.е. преодолеть рыночные отношения на почве этих же рыночных отношений».

Для И.В. Сталина временные понятия допуска нэпа вообще свелись в 1926 г. к минимуму. «Социалистическое» наступление означало отступление от рыночных принципов хозяйствования.

Крестьянство в 1920-е гг. так и не получило ни свободы хозяйственной деятельности, ни правовой гарантии для хозяйственной инициативы. Классовая политика государства порождала неуверенность, не стимулировала крестьянина к обогащению, а в бедноте сохраняла иждивенческие настроения.

«Великий перелом» 1929 г. возник не вдруг. Он был логическим и историческим завершением всего предшествующего развития. В происходившем была своя логика и целостность. В этой конструкции не оставалось места таким деятелям, как Бухарин. Беспокойство же ортодоксальных марксистов относительно путей развития сельского хозяйства и страны в целом было не напрасно: либо назад к капитализму, либо вперед, как они полагали, к социализму. А нэп требовал бесконечных уступок, шедших от экономики, проходивших через политическую сферу и вторгавшихся в идеологию. Последнее было для них недопустимо.

Первая крупная попытка «подтолкнуть» структурные преобразования была предпринята в 1925–1926 гг., когда было решено в течение одного года увеличить почти втрое инвестиции в промышленность. Намечалось сочетать административные и экономические методы хозяйствования. Попытка оказалась весьма неудачной. Она привела к негативным явлениям в экономике, способствовала росту представлений о том, что с помощью экономических методов и рынка, сложившегося в советской России, структурные преобразования в экономике не осуществимы. Выход виделся в расширении планово-распределительных отношений, форсированном завершении перестройки социальной структуры. Для этой модели развития уже были заложены довольно прочные основы в виде широкомасштабного госсектора, занявшего монопольное положение в экономике.

Планировавшаяся новая попытка реорганизации кооперации в начале 1930-х гг. была заранее обречена на неудачу. Даже в руководстве страны поняли это, и только тогда появились правительственные решения о свёртывании кредитной кооперации (декабрь 1930 г.) и сельскохозяйственной кооперации (февраль 1931 г.). Это можно назвать «насильственной» акцией. Поэтому мы поддерживаем взгляды В.В. Кабанова о том, что слома кооперации не было⁸.

Анализ же послереволюционного десятилетия советской кооперативной политики показал, что для власти принципиально важен был лишь один момент в деятельности кооперации: насколько полно она обобществляет средства производства, производственно-сбытовые операции своих членов. В этой связи советские теоретики кооперации пропагандировали идею о низших и высших формах кооперирования, под влиянием которой кооперативные учреждения, предполагавшие в той или иной степени сохранение организационно-производственной автономии хозяйств своих членов, стали восприниматься как начальные, только ставящие крестьян на пороге «большого пути» к крупному обобществлению средств производства, трудовых и сбытовых операций через промежуточные формы кооперативных объединений, постепенно сливавших крестьянские хозяйства по производственному, бытовому или иным признакам в единый коллектив.

С этой точки зрения восстановление сельскохозяйственной кооперации с кредитными, сбытовыми и прочими функциями одновременно с сохранением потребительской кооперации в начале 1920-х гг. выглядит своеобразным компромиссом между теоретическим планом коллективизации и реальной социально-экономической обстановкой в стране.

Несмотря на своё важное место в сельской жизни, в период коллективизации община была уничтожена. Главной причиной тому явилось её несоответствие планам аграрных преобразований советской власти. Обладая широкими внутренними возможностями для организации кооперативных объединений, община содержала в себе и мощные частнособственнические стимулы и не могла стать основой коллективизации. Кооперация к концу 1920-х гг. оказалась полностью раздавленной.

Полностью подчинив себе кооперацию путём её централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили её в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Коо-

перация держалась за счёт финансовой поддержки со стороны государства. Что же касается быстрорастущего числа членов кооперативов, то это происходило за счёт искусственного создания положения, когда крестьянин вступал в кооперативы вынужденно, так как нужный товар, преимущественно городской, можно было приобрести только в кооперативах и только через них – сбывать свои продукты; за счёт искусственного кооперирования бедноты. К концу 1920-х гг. кооперация оказалась неспособной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей; она разрушалась.

Отметим, что в годы военного коммунизма организационная структура кооперации была искусственно встроена в систему государства и стала рассматриваться властью как временный социально-экономический институт, необходимый для перехода к коллективным формам хозяйствования в деревне.

Структура крестьянского самоуправления претерпела значительные изменения, новая власть стремилась к ликвидации прежнего устройства, однако общинные отношения оставались связующим звеном в организации всех сторон жизнедеятельности крестьянского общества.

Кооперация, вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, постепенно втягивала их в рыночные отношения; через кооперацию крестьянство зависело не только от общества, но и от рынка, под этим влиянием менялась и личность крестьянина, кооперированный крестьянин сам влиял на общество.

Община же держала человека в рамках старых представлений, сохраняя обычаи и традиции прошлого, опыт и ценности предков, в то же время и община и кооперация прививали трудолюбие, культурные ценности, духовность.

Кооперация к концу 1920-х гг. превратилась в огромный, неумелый, но послушный аппарат проведения государственно-партийной политики в деревне, она оказалась неспособной выполнять преобразующие функции.

Основным противоречием 1920-х гг. стало противоречие между планом и рынком; кооперация могла существовать в условиях рынка, на ликвидацию которого был нацелен план.

Как видно из всего изложенного, ни община, ни кооперация не стали отправными точками для строительства социализма в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – М., 1984. – Т. 3. – С. 161–162, 167–168.

² См.: Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. – Вып.1. – Иваново, 1996. – С. 108.

³ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 200 – 202.

⁴ Там же. С. 239, 379.

⁵ Дмитренко В.П. Борьба советского государства за овладение деревенским оборотом в первые годы нэпа // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 69.

⁶ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в товарообороте. – М., 1924. – С. 86.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 45. – С. 372.

⁸ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997. – С. 142.

⁹ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963; впервые – в статье «Земельные отношения в советской доколхозной деревне» // История СССР. – 1958. – № 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

1. Братющенко, Ю.В. Нэп: государство, частник, кооперация / Ю. В. Братющенко // Вопросы истории. – 2007. – № 2.
2. Валентинов, Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Н. Валентинов. – М. : Современник, 1991. – 365 с.
3. Веселов, С.В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» / С. В. Веселов // Вопросы истории. – 1991. – № 9–10.
4. Гамаюнов, М.В. Кооперативное совещание при ЦК Партии (1920 – 1929 гг.) / М.В. Гамаюнов // Вопросы истории КПСС. – 1959. – № 4.
5. Гимпельсон, Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века) / Е.Г. Гимпельсон. – М. : Собрание, 2004. – 304 с.
6. Данилов, В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне / В.П. Данилов // История СССР. – 1958. – № 3.
7. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – М. : Наука, 1977.
8. Данилов, В.П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России / В.П. Данилов // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1974.
9. Данилова, Л.В. Проблемы теории и истории общины / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Община в Африке: проблемы типологии. – М., 1978.
10. Данилова, Л.В. Крестьянская ментальность и община / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие

России (XIX – XX вв.) : матер. междунар. науч. конф. – М., 1996.

11. Дмитренко, В.П. Партия и кооперация / В.П. Дмитренко, Л.Ф. Морозов, В.И. Погудин. – М. : Политиздат, 1978. – 296 с.

12. Дубровский, С.М. Очерки русской революции / С.М. Дубровский. – М., 1923. – Вып. 1.

13. Есиков, С.А. Роль кооперации в повышении уровня аграрной культуры (конец XIX – начало XX вв.) / С.А. Есиков, М.М. Есикова // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2.

14. Есиков, С.А. Община в социально-экономических отношениях доколхозной деревни / С.А. Есиков // Великий Октябрь. Политические партии России и СССР. Социалистические преобразования : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Владимир, 1991.

15. Есиков, С.А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации / С.А. Есиков. – М. : РОССПЭН, 2010

16. История социалистической экономики СССР. – Т.2. – М., 1976.

17. Кабанов, В.В. Кооперация, революция, социализм / В.В. Кабанов. – М. : Наука, 1996. – 200 с.

18. Кабанов, В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века / В.В. Кабанов. – М., 1997.

19. Кабанов, В.В. Октябрьская революция и кооперация. 1917 – 1919 гг. / В.В. Кабанов. – М. : Наука, 1973. – 292 с.

20. Кабанов, В.В. Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография / В.В. Кабанов ; под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева // Кооперативный план: иллюзии и действительность. – М. : РГГУ, 1995.

21. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905 – 1930) / Ким Чан Чжин. – М., 1996.

22. Ленин, В.И. О потребительской и промысловой кооперации / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43
23. Ленин, В.И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и её условия) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43.
24. Ленин, В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. – Т. 45.
25. Морозов, Л.Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития / Л.Ф. Морозов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 6.
26. НЭП: приобретения и потери / Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.А. Мау и др. – М. : Наука, 1994. – 217 с.
27. Огановский, Н. Община и земельное товарищество // О земле : сб. статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. – М., 1921. – Вып. 1.
28. Осокина, В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община (1920 – 1933). – М., 1978.
29. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченков. – М., 1997. – 272 с.
30. Поляков, Ю.А. Новая экономическая политика: разработка и осуществление / Ю.А. Поляков, В.П. Дмитренко, Н.В. Щербань. – М. : Изд-во политической литературы, 1982.
31. Свищев, М.А. Мелкое производство в 20-е годы / М.А. Свищев ; под ред. Р.У. Дэвиса, В.П. Дмитренко, В.А. Мау и др. // Нэп: приобретения и потери. – М. : Наука, 1994.
32. Туган-Барановский, М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган-Барановский. – М. : Экономика, 1989. – 495 с.
33. Файн, Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861 – 1930 / Л.Е. Файн. – Ивановский гос. ун-т. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. – 600 с.
34. Файн, Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) / Л.Е. Файн // Вопросы истории. – 1994. – № 9.

35. Чаянов, А.В. Избранные произведения : сб. / сост. Е.В. Серова. – М. : Московский рабочий, 1989. – 366 с.

36. Чаянов, А. Краткий курс кооперации / А. Чаянов. – 3-е изд. – М. : Коопиздат, 1925. – 79 с.

37. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А.В. Чаянов. – М. : Изд-во Сов. Всероссийск. кооп. съездов, 1919. – 344 с.

38. Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму : сб. статей / отв. ред. М.П. Ким. – М. : Наука, 1986. – 255 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. План, которого не было	13
2. Концепция «кооперативной коллективизации» А.В. Чаянова	19
3. Кооперация в построениях Н.И. Бухарина	27
4. Из истории отечественной общины и кооперации	43
5. Сходство и различия общины и кооперации	63
Заключение	67
Список литературы	75

Учебное издание

ЕСИКОВ Сергей Альбертович,
ЕСИКОВА Милана Михайловна

ОБЩИНА И КООПЕРАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ

Учебное пособие

Редактор Е.С. Мордасова
Компьютерное макетирование М.А. Евсейчевой

Подписано в печать 27.06.2013.
Формат 60 × 84 / 16. 4,65 усл. печ. л. Тираж 400 экз. Заказ № 341

Издательско-полиграфический центр ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, к. 14